

АЛЕКСАНДР
СОЛЖЕНИЦЫН

ДВЕСТИ ЛЕТ ВМЕСТЕ

**ЧАСТЬ II
В СОВЕТСКОЕ ВРЕМЯ**

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

Собрание сочинений в 30 томах

Александр Солженицын

Двести лет вместе.

Часть II. В советское время

«WebKniga»

2001

Солженицын А. И.

Двести лет вместе. Часть II. В советское время /
А. И. Солженицын — «WebKniga», 2001 — (Собрание сочинений
в 30 томах)

ISBN 978-5-9691-1376-3

В 27 томе Собрания сочинений публикуется вторая часть исследования «Двести лет вместе» (впервые: М.: Русский мир, 2002), посвященная русско-еврейским отношениям «в советское время». Решительно отвергая миф о совершенной евреями революции, автор анализирует участие евреев в событиях 1917 года и Гражданской войне (в том числе в рядах Белого движения). «Еврейский вопрос» в СССР рассматривается в тесной связи как с общей судьбой европейского еврейства в XX веке и Катастрофой, так и с трагедией России, оказавшейся под властью коммунистов: извилистый процесс ассимиляции евреев в 1920–1930-х гг. и его следствия (в том числе рост низового антисемитизма); судьба российского еврейства в первой эмиграции; евреи как жертвы и участники коммунистического террора («В лагерях Гулага»); евреи «в войну с Германией». Подробно рассмотрен послевоенный поворот Сталина к политике государственного антисемитизма. В главах 22–26 прослеживаются перипетии русско-еврейских отношений второй половины 1950-х – начала 1980-х годов, исход евреев из России, начавшийся после Семидневной войны (1967). В заключение автор размышляет о сложностях и парадоксах еврейской ассимиляции, символично завершая книгу цитатой из опубликованного в Израиле (1981) «Письма из России»: «Я верю, что неспроста это получилось на путях России – этот контакт души иудейской и души славянской, что было тут какое-то предназначение».

ISBN 978-5-9691-1376-3

© Солженицын А. И., 2001

© WebKniga, 2001

Содержание

В уяснении	7
Часть II	18
Глава 13	18
Глава 14	28
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Александр Солженицын
Двести лет вместе
1795–1995
Часть II. В советское время

© А. И. Солженицын, наследники, 2015

© Н. Д. Солженицына, составление, 2015

© «Время», 2015

* * *

В уяснении

Всякое рассмотрение значительной роли евреев в жизни стран и народов их рассеяния – как вот и наша книга – неизбежно останавливается перед вопросом: «кто есть еврей?», «кого считать евреем?». Пока евреи жили среди других народов обособленными анклавами – не было повода для такого вопроса. Но по мере ассимиляции или просто всё более широкого включения евреев в окружающую жизнь – вопрос стал возникать и интенсивно обсуждаться, и более всего – евреями же. Естественно, что и в послереволюционной России – вплоть до открытия еврейской эмиграции, да и позже, – ответы менялись и менялись, и уже поэтому попытка их обзора может быть небезполезна. И тут, как ни удивительно, мы от первого шага сталкиваемся с большим разноречием и спорами – и нельзя не поразиться пестроте и разнообразию взглядов.

Дореволюционная Еврейская Энциклопедия в статье «Еврей» не даёт никакого определения. Она лишь указывает, что «термин еврей для обозначения израильтянина в противоположность египтянину встречается уже в древнейших частях Пятикнижия», и приводит конкурирующие гипотезы об этимологии этого слова¹. Современная же Еврейская Энциклопедия обходится таким определением: «Лицо, принадлежащее к еврейскому народу»².

Но, как видно, не многие удовлетворялись этим определением. «Кого считать евреем? кто – еврей?», и ещё так: «что такое еврейскость?» – это для самих евреев сегодня не простой вопрос. Вот русско-еврейские авторы пишут о понятии «еврейский»: «Ни в Израиле, ни за границей среди самих евреев нет никакого согласия относительно содержания этого понятия. Чем ближе к нему приближается новичок, тем расплывчатее становится для него этот неуловимый образ»³; «через 74 года после российской революции и 43 года после возрождения государства Израиль попытка определения еврея – почти головоломная задача»⁴.

Однако она никогда не была сложна для евреев религиозных. Определение ортодоксальных раввинов: «Еврей – это тот, кто рождён от матери-еврейки или обращён в еврейство согласно Галахе»⁵. (Галаха – религиозная регламентация жизни евреев: «совокупность законов, содержащихся в Торе, Талмуде и в более поздней раввинистической литературе»⁶.)

«Что нам давало и сейчас даёт силу жить и в чём значение этой жизни? *И то и другое лежит в области религии*»⁷. – Артур Кестлер писал: «Отличительной чертой еврея... является не его принадлежность к той или иной расе, культуре или языку, а религия»⁸. – Да и сегодня в израильском журнале: «Еврейская национальная полнота возможна только в религиозном образе жизни»⁹.

Но уже и в античном мире можно было наблюдать не столько религиозный, сколько национальный импульс к общности. С. Я. Лурье приводит пример «эссенян». То была «еврейская секта, видевшая спасение не в национальном, а в индивидуальном самоусовершенствовании. Эссеняне были „слугами мира“, и местные властители, уважая их взгляды, не привлекали их

¹ Еврейская Энциклопедия (далее – ЕЭ): В 16 т. СПб.: Общество для Научных Еврейских Изданий и Изд-во Брокгауз – Ефрон, 1906–1913. Т. 7, с. 434–436.

² Краткая Еврейская Энциклопедия (далее – КЕЭ): [В 10 т.]. Иерусалим, 1976–2001. Т. 2, с. 405.

³ А. Воронель. Лёгкое порхание вокруг тяжёлых проблем // «22»: Общественно-политический и литературный журнал еврейской интеллигенции из СССР в Израиле. Тель-Авив, 1992, № 82, с. 125.

⁴ Эд. Норден. Пересчитывая евреев // «22», 1991, № 79, с. 118.

⁵ Эд. Норден. Пересчитывая евреев // «22», 1991, № 79, с. 118.

⁶ КЕЭ. Т. 2, с. 7.

⁷ И. М. Бикерман. К самопознанию еврея: Чем мы были, чем мы стали, чем мы должны быть. Париж, 1939, с. 12.

⁸ А. Кестлер. Иуда на перепутье // Время и мы (далее – ВМ): Международный журнал литературы и общественных проблем. Тель-Авив, 1978, № 33, с. 99.

⁹ А. Кучерский. Еврейская парадигма // «22», 1993, № 88, с. 142.

к военной службе. «Тем не менее, когда опасность стала угрожать главному центру мирового еврейства, они, несмотря на то что относились скептически к святости храма и жертв, несмотря на свой резкий принципиальный антимилитаризм, идут добровольцами в ряды сражающихся евреев... Национально-патриотическая закваска была в них так сильна, что оказалась сильнее убеждений, составлявших дело их жизни»¹⁰.

Да и в XIX веке высказывалось мнение, что «евреи предшествуют иудаизму», «мы должны постоянно расширять наше понимание „еврейскости“», «вырваться из ограничений галахического иудаизма в более широкий мир»¹¹.

А уж в секулярный XX век религиозное понимание не могло не пошатнуться и не расплыться дальше. В размышлении (послереволюционном) Г. Слиозберга религиозный мотив оттеснён: «В чём критерий еврейской национальности? Именно в еврействе и заключалась национальная сущность в течение тысячелетий. Она – в непрерывной цепи особой еврейской культуры, в единой духовной сущности всех евреев во всех странах»¹².

Уже в середине XX века предупреждала Ханна Арендт: «Иудаизм выродился в еврейство, мировоззрение – в набор психологических черт»¹³. Почти то же отмечает израильский писатель Амос Оз: «Сработала трагическая склонность к подмене иудаизма неким душевным состоянием, которое во всём мире называется „идишкайт“... – это всего лишь один из отрошков иудаизма, одна веточка, один побег»¹⁴.

Во второй половине XX века один из авторитетнейших евреев-интеллектуалов говорил: «Я уважаю религиозные убеждения... но... настаиваю, что еврейство не обязательно связано с религией, что, говоря об еврействе, мы имеем в виду нечто иное. Какое именно „иное“, крайне трудно определить. Некие общие ценности? Несомненно. Общая история? Несомненно. Общие признаки личности? Несомненно»¹⁵.

А в 1958 «Высший суд справедливости Израиля», разбирая одно конкретное дело, вынес решение – со ссылкой на раввинистическую литературу: «в глазах Галахи, еврей, перешедший в другую веру, тем не менее остаётся евреем... Еврей не перестаёт быть евреем, даже нарушая еврейский Закон»¹⁶. – Для еврея «переход... в иную веру в сущности невозможен»¹⁷.

Не раз упоминающийся в этой книге видный меньшевик Соломон Шварц заявляет о себе (1966), что он «светский, не-религиозный еврей», но: «я глубоко ощущаю своё еврейство, и никому не дано отлучить меня от него. И что гораздо важнее: таких светских, не-религиозных евреев сотни тысяч, может быть, миллионы... Их много и среди так называемых Американцев еврейской религии, для значительной части которых принадлежность к еврейской религии сводится к простому ритуализму»¹⁸.

Тем увереннее секулярные суждения произносятся сегодня: «Нельзя... однозначно и прямолинейно связывать роль и намерения современного еврейства, разобщённого и не имеющего ни универсального... подхода к вере, ни единой светской культуры, ни общей идеоло-

¹⁰ С. Я. Лурье. Антисемитизм в древнем мире. Тель-Авив: Сова, 1976 (1-е изд. – Пг.: Былое, 1922), с. 171.

¹¹ Г. Галкин. Что такое «еврейскость»? // «22», 1989, № 66, с. 94–95.

¹² Г. Б. Слиозберг. Дела минувших дней: Записки русского еврея: В 3 т. Париж, 1933–1934. Т. 1, с. 7.

¹³ Ханна Арендт. Антисемитизм // Синтаксис: Публицистика, критика, полемика. Париж, 1989, № 26, с. 147.

¹⁴ Амос Оз. О времени и о себе // Континент: Литературный, обществ. – политический и религиозный журнал. М., 1991, № 66, с. 240.

¹⁵ Д. Левин. На краю соблазна: [Интервью] // «22», 1978, № 1, с. 56.

¹⁶ Г. Галкин. Что такое «еврейскость»? // «22», 1989, № 66, с. 88–89. (Здесь и далее в случаях, когда цитата приводится не по оригиналу, цитируемый источник снабжается знаком*.)

¹⁷ КЕЭ, Т. 6, с. 230.

¹⁸ С. Шварц. Евреи в Советском Союзе с начала Второй мировой войны (1939–1965). Нью-Йорк: Изд. Американского Еврейского Рабочего Комитета, 1966, с. 8.

гии, с преданием о завоевании праотцами Земли Обетованной, с их моралью трёхтысячелетней давности»¹⁹.

И правда – ушли далеко. Сегодня «ортодоксальные евреи составляют лишь небольшую часть мирового еврейства»²⁰.

Ныне говорится как о само собой понятном: «Решение еврейской проблемы, *то есть* проблемы сохранения евреев как этнической общности»²¹ (курсив мой. – А. С.).

Однако понятие *этнической общности* имеет тенденцию огрубляться в *общность по крови*. В «Книге о русском еврействе» так уже и пишется запросто: «Николай Метнер (в жилах которого текла еврейская кровь)»²². – Краткая Еврейская Энциклопедия при отборе своего именного состава уверенно включает и тех евреев, кто перешёл в христианство; или, как Илья Мечников, сын гвардейского офицера, помещика, «о еврейском происхождении матери узнал сравнительно поздно»²³ – но уже достаточно оснований для включения его в Энциклопедию. Отбираются даже те, кто всю жизнь был далёк от еврейского сознания, – так, значит, определение еврейства ведётся уже *по крови*? – а не по духу?

Ю. Карабчиевский справедливо возмущался, что: «в зарубежных списках всяких там почётных и знаменитых евреев встречал имя Бориса Пастернака. Ну какой он еврей?.. Он сам евреем себя не чувствовал и даже не раз активно отталкивался от явно его раздражавшей еврейской общности»²⁴. – И действительно так. А глубинная подлинность его евангельских стихов – не оставляет вопросов о прибежище его духа.

С 1994 стала выходить и в России – «Российская Еврейская Энциклопедия». Началась она как раз с биографических томов, то есть отбора лиц. И сразу же, во вступлении, объяснено: «Евреями считаются люди, родители или один из родителей которых был еврейского происхождения, независимо от его вероисповедания»²⁵.

Вот и в международной спортивной израильской «маккабаде» – «участвовать могут только евреи»²⁶, – надо понять, что и тут – по крови?

Тогда зачем же так страстно и грозно укорять всех вокруг в «счёте по крови»? Надо же отнестись зряче и к национализму собственному.

Например, Луис Брандейс, лидер сионизма в Америке и член Верховного Суда Соединённых Штатов с 1916, говорил: когда по какой-либо причине «страдают люди еврейской крови, наше к ним сочувствие и помощь идут инстинктивно, в какой бы стране они ни жили, и не спрашивая об оттенках их веры или неверия»²⁷. Амос Оз ещё добавляет: «Быть евреем означает чувствовать: где бы ни преследовали и мучили еврея, – это преследуют и мучают тебя»²⁸. (И вот это чувство и вызволяет евреев из скольких бед! Эх, и нам бы так!..) Этой внутренней связи еврейства, взаимной выручке и спаянности евреев немало, нередко удивлялись многие авторы и во многих странах, и в самые разные века. В том числе, конечно, и русские. С. Булгаков: у евреев «особая органическая сплочённость, которая не свойственна в такой мере никакому другому народу», «национальный дух и сплочённость еврейства остаются неразло-

¹⁹ Д. Штурман. О национальных фобиях // «22», 1989, № 68, с. 148.

²⁰ И. Либлер. Израиль – диаспора: Кризис идентификации // «22», 1995, № 95, с. 153–154.

²¹ А. Каценеленбойген. Антисемитизм и еврейское государство // «22», 1989, № 64, с. 173.

²² Гершон Свет. Евреи в русской музыке // [Сб.] Книга о русском еврействе: От 1860-х годов до Революции 1917 г. Нью-Йорк: Союз Русских Евреев, 1960, с. 465.

²³ КЕЭ, Т. 5, с. 323–324.

²⁴ Ю. Карабчиевский. Борьба с евреем // Страна и мир: Обществ. – политический, экономический и культурно-философский журнал. Мюнхен, 1989, № 5, с. 111–112.

²⁵ Российская Еврейская Энциклопедия. М., 1994–... Т. 1, с. 5.

²⁶ КЕЭ, Т. 5, с. 49.

²⁷ Great Jewish Speeches Throughout History / coll., ed., Steve Israel, Seth Forman. Northvale (New Jersey); London: Jason Aronson Inc., 1994, p. 70.

²⁸ Амос Оз. Понятие отечества // «22», 1978, № 1, с. 30.

жимы и неодолимы никакими силами национального соперничества и антагонизма других народов»²⁹.

Однако не были бы евреи евреями, если бы их понятия и объяснения сводились к такой однозначной простоте. Нет, соображения тут – многоветвисты.

Вот – опять Амос Оз: «„Что это значит – быть евреем в современном – последняя треть 20-го века – секуляризованном обществе?“ Если это – не „синагога“... то что же это? А если это не *только* „синагога“, то что же это тогда?»³⁰ – «В моём словаре еврей – это тот, кто считает себя евреем или обречён быть евреем. Еврей – это тот, кто соглашается быть евреем. Если он соглашается на это открыто, он еврей по выбору. Если он признаётся в этом только себе, он еврей по принуждению или под давлением обстоятельств. Если он не признаёт никакой связи между собой и еврейством, он... не еврей, хотя бы даже религиозные правила определяли его как такового... Быть евреем означает участвовать в еврейском настоящем... в деяниях и достижениях евреев как евреев; и разделять ответственность за несправедливость, содеянную евреями как евреями (ответственность – не вину!)»³¹.

Вот такой подход мне кажется наиболее верным: принадлежность к народу определяется по *духу и сознанию*. Считаю так и я.

А вот И. Бикерман вообще отказывался дать определение еврейскости: «Ни один народ, тем более ни один культурный народ не может быть исчерпан одной формулой»³².

Сходного мнения и Н. Бердяев: «Поистине нация не поддаётся никаким рациональным определениям... Бытие нации не определяется и не исчерпывается ни расой, ни языком, ни религией, ни территорией, ни государственным суверенитетом, хотя все эти признаки более или менее существенны для национального бытия. Наиболее правы те, которые определяют нацию как единство исторической судьбы... Но единство исторической судьбы и есть иррациональная тайна... Еврейский народ глубоко чувствует это таинственное единство исторической судьбы»³³. – Это поражает и М. Гершензона: «Последовательность еврейской истории изумительна. Кажется, будто какая-то личная воля осуществляет здесь дальновидный план, цель которого нам неизвестна»³⁴.

Однако это – расплывчато. Практическое определение искать приходится, и его ищут. – «В диаспоре, где евреи рассеяны, подвижны и изменчивы... единственный способ» – считать евреями тех, «которые сами считают себя евреями»³⁵. – «Нам представляется наиболее верным считать евреями только тех, кто был евреем не только по происхождению, но и считался таковым в его собственном окружении»³⁶. – «Еврей – это тот человек, которого другие люди считают евреем, – вот простая истина, из которой надо исходить»³⁷. – Но не так проста эта истина. Ведь массовое восприятие евреев «туземными» народами сколь часто окрашено было ещё и отчуждением. И кто это восприятие улавливает – выводит не без горечи: «*Еврей – это не национальность, а социальная роль*. Роль Чужака. Не такого, как все»³⁸.

Но жить среди чужих народов – ещё значит и жить в чужих *государствах*. – «В этом сущность еврейского вопроса», – выделял Бикерман жирным шрифтом: «как мы можем пере-

²⁹ Сергей Булгаков. Расизм и христианство // Христианство и еврейский вопрос. Париж: YMCA-Press, 1991, с. 66, 93–94.

³⁰ Амос Оз. О времени и о себе // Континент, 1991, № 66, с. 234.

³¹ Амос Оз. Понятие отечества // «22», 1978, № 1, с. 29–30.

³² И. М. Бикерман. К самопознанию еврея..., с. 101.

³³ Николай Бердяев. Философия неравенства. Париж: YMCA-Press, 1970, с. 74.

³⁴ М. Гершензон. Судьбы еврейского народа // «22», 1981, № 19, с. 106.

³⁵ Эд. Норден. Пересчитывая евреев // «22», 1991, № 79, с. 119.

³⁶ Дж. Мюллер. Диалектика трагедии: антисемитизм и коммунизм в Центральной и Восточной Европе // «22», 1990, № 73, с. 96.

³⁷ Жан-Поль Сартр. Размышления о еврейском вопросе // Нева, 1991, № 7, с. 151.

³⁸ Александр Мелихов. Исповедь еврея. СПб.: Новый Геликон, 1994, с. 14.

стать быть чужими в государствах, где мы живём и жить будем в будущем? Не чтобы окружающие не видели в нас чужих, а по существу ими не быть... Этот „еврейский вопрос“ не к другим предъявляет требования, а к нам самим»³⁹. – Григорий Ландау: «пусть мы зависим от окружающих нас народов», но «в некоторой степени мы сами создаём свою судьбу, и своими деяниями и состоянием предопределяем отношение к нам окружающих... Неслагаемая с себя задача – познать себя, свои силы и слабости, свои ошибки и грехи, свои беды и болезни. В этом... обязанность перед нашим народом и перед его будущим»⁴⁰.

Прямо напротив тому полагал их современник, выдающийся и многими чтимый публицист Жаботинский: «Для людей моего лагеря суть дела совершенно не в том, как относятся к евреям остальные народности. Если бы нас любили, обожали, звали в объятия, мы бы так же непреклонно требовали „размежевания“». И ещё он же: «Мы такие, как есть, для себя хороши, иными не будем и быть не хотим»⁴¹.

И Бен-Гурион, вспоминая, однажды как бы «всему свету указал: „Важно, что делают евреи, а не что говорят об этом гои“»⁴².

Бердяев давал этому чувству евреев такое объяснение: «Потеря нацией своего государства, своей самостоятельности и суверенности есть великое несчастье, тяжёлая болезнь, калечащая душу нации. То, что еврейский народ... совсем лишился государства и жил скитальцем в мире, изломало и искалечило душу еврейского народа. У него накопилось недоброе чувство против всех народов, живущих в собственных государствах», и склонность его к интернационализму «есть лишь обратная сторона его болезненного национализма»⁴³.

Владимир Соловьёв писал: «Доведенный до крайнего напряжения, национализм губит впадавший в него народ, делая его врагом человечества, которое всегда окажется сильнее отдельного народа». Это высказано им в предупреждение националистам русским, но, хотя и глубоко расположенный к евреям, он в этой связи признаёт: «Утверждение своей исключительной миссии, обоготворение своей народности есть точка зрения древне-иудейская»⁴⁴.

А вот размышления современного иерусалимского раввина Адина Штейнзальца. Евреи постоянно находятся под воздействием двух движущих сил. Одна – «это наша поразительная способность видоизменяться, приспосабливаться, становиться похожими на людей, среди которых мы живём... Способность... впитывать окружающую культуру... Наша адаптация – это внутреннее преобразование. С языком чужого народа к нам приходит глубокое понимание его духа, его чаяний, его образа жизни и мыслей. Мы не просто обезьянничаем, а становимся частью этого народа», – и даже, перехлёстывает он: «мы оказываемся в состоянии понять этот народ лучше, чем он сам понимает себя». А оттого «у других народов складывается ощущение, что евреи не только берут их деньги, но изощрённо похищают у них душу и таким образом становятся их национальными поэтами, драматургами, художниками, а через некоторое время – устами и мозгом их народа»⁴⁵.

Да, евреи, удивительно сочетая в себе племенную верность и универсализм, талантливо перенимают культуру окружающих народов. Но в этой высокой адаптации, когда современные интеллигентные евреи отождествляют себя с мировой культурой как со своим духовным

³⁹ И. М. Бикерман. К самопознанию еврея..., с. 64.

⁴⁰ Г. А. Ландау. Революционные идеи в еврейской общественности // Россия и евреи: Сб. 1 (далее – РИЕ) / Отечественное объединение русских евреев за границей. Париж: УМСА-Press, 1978 (1-е изд. Берлин: Основа, 1924), с. 103.

⁴¹ Вл. Жаботинский. На ложном пути // Вл. Жаботинский. Фельетоны. СПб.: Типография «Герольд», 1913, с. 249; Вл. Жаботинский. Вместо апологии // Там же, с. 205.

⁴² А. Этерман. Истина с близкого расстояния // «22», 1988, № 61, с. 98; см. также: А. Воронель // «22», 1978, № 2, с. 193; В. Мешкер // «22», 1978, № 3, с. 181.

⁴³ Николай Бердяев. Философия неравенства, с. 82–83.

⁴⁴ В. С. Соловьёв. Национальный вопрос в России. Выпуск первый, 1883–1888 // Собр. соч.: В 10 т. Брюссель, 1966. Т. 5, с. 13, 16 [фототипическое воспроизведение: Собр. соч. 2-е изд. СПб., 1911–1914].

⁴⁵ А. Штейнзальц. Кто мы: трагические актёры или самобытная нация? // ВМ, Тель-Авив, 1975, № 1, с. 139, 140.

отечеством, – не следует упускать, что такая круговая адаптация почти никогда уже не имеет возможности погрузиться в самую глубину традиции и истории корневой народной жизни. Отменная талантливость евреев – вне сомнений. Но вот и такое важное соображение высказал Норман Подгорец, многолетний редактор американского еврейского консервативного журнала «Комментари» (в изложении М. Вартбурга): «Евреи в чужих культурах всегда „стояли на плечах“ коренных народов, освободив благодаря этому свой интеллект от экономических, военных, политических и прочих „обычных“ забот, которыми занята любая нормальная нация и которые отвлекают столь значительную часть её собственного коллективного гения»⁴⁶.

Штейнзальц продолжает рассуждение о двух движущих силах. Первая создаёт из евреев «людей, обладающих исключительной способностью к выживанию в самых разных условиях». Однако непрерывно действует и другая сила: «У нас в душе постоянно звучит властный зов», противоположный приспособлению, «в нас есть какое-то ядро» неизменяемое – и именно поэтому евреи никогда не растворяются до конца в окружающих народах. Евреи – это народ, «который можно разорвать на куски, но эти куски останутся живыми и вырастут снова». И вот, евреи «гибче, податливее, чем что бы то ни было на свете. И в то же время мы твёрже, чем сталь». И «эти характерные черты так глубоко в нас заложены, что мы не можем просто взять и отбросить их по своей воле»⁴⁷.

Ведь даже и родился еврейский народ «в бездомном скитании, в Синайской пустыне. Он... тайно знал себя неоседлым... Бездомность ему врождена»; «через всю историю еврейского рассеяния проходит странная антиномия: чем более еврейство дробится физически, тем более оно внутренне сплавляется»⁴⁸.

В конце-то концов, евреи и выжили не в своей стране, а в диаспоре. В рассеянии и «создали специфическую культурную, религиозную и общественную жизнь, которую мы называем еврейской цивилизацией»⁴⁹. – «Многие общества гибли и гибнут при потере одной только государственности», – а «еврейство как общественная система явило собой яркий пример поразительной выживаемости и способности возрождаться после испепеляющих катастроф... Еврейство создало совершенно новую основу для общности... духовное единство»⁵⁰.

Да, несомненно – так.

А вот – оценка еврейской общности чисто интуитивная. Г. Слиозберг описывает впечатление профессора Германа Когена, основателя Марбургской философской школы, приехавшего в Петербург в 1914, от его встречи со здешними евреями: «Такого собрания, проникнутого истинно еврейским духом, нельзя было устроить нигде в мире, где находятся евреи, кроме как в России, и именно в С. Петербурге». Однако затем и в «литовском Иерусалиме» – «ему трудно было оторваться от этой чисто еврейской атмосферы, которая окружала его в Вильне»⁵¹.

Это впечатление – убеждает полной верностью, его можно понять и почувствовать.

Но – что это именно? Вот Амос Оз, полвека спустя: «Достаточно лишь мимолётного взгляда, чтобы убедиться, что все эти люди – евреи. Не спрашивайте меня, что такое еврей. Сразу видно, что ты в окружении евреев... И это – волшебство. Это – вызов, это – великое чудо»⁵².

Этот «вызов», это «чудо» ощущал и М. Гершензон, написавший ещё в годы российской революции: «Еврейский народ может без остатка расплыться в мире... но дух еврей-

⁴⁶ М. Вартбург. О себе, об Израиле, о еврействе // «22», 1986, № 47, с. 220.

⁴⁷ А. Штейнзальц. Кто мы... // ВМ, 1975, № 1, с. 141, 142.

⁴⁸ М. Гершензон. Судьбы еврейского народа // «22», 1981, № 19, с. 106, 107, 108.

⁴⁹ Ш. Эттингер. Краткая еврейская энциклопедия на русском языке: [Интервью с редакционным коллективом] // «22», 1987, № 55, с. 208.

⁵⁰ Н. Вайман. Кризис цели // «22», 1979, № 7, с. 150.

⁵¹ Г. Б. Слиозберг. Дела минувших дней... Т. 3, с. 309–310.

⁵² Амос Оз. О времени и о себе // Континент, 1991, № 66, с. 242–243.

ства от этого только окрепнет». И: «Кто есть еврей? В ком действует народная воля еврейства. Как это узнать? Этого нельзя узнать... Еврейское царство – не от мира сего»⁵³.

Мистически видел проблему и Достоевский: «Не настали ещё *все времена и сроки*, несмотря на протекшие сорок веков, и окончательное слово человечества об этом великом племени ещё впереди»⁵⁴.

Не сказать, чтоб ото всего выслушанного здесь стало нам чётко-ясно, но какие определения нам дали – на тех и остановимся.

Однако как не отметить тут же: именно о евреях, которым посвящена эта книга, выносить общенациональные суждения наиболее затруднительно. Вероятно, нет на Земле нации более дифференцированной, более разбросной по характерам и типам. Редко какой народ являет собой такой богатый спектр типов, характеров и мнений, от светлейших умов человечества до тёмных дельцов. И какое бы правило вы ни составили о евреях, какую бы суммарную характеристику вы ни попытались бы им дать, – тотчас же вам справедливо представят самые яркие и убедительные исключения из того.

* * *

Идея богоизбранности еврейского народа столь всеизвестна из Ветхого Завета, что не нуждается ни в каком повторном изложении. Множество еврейских учёных ортодоксов и просто верующих – и посегодня ведо́мы этой идеей.

Да без религиозной основы разве возможно истолковать несравненную стойкость евреев в рассеянии?

Правда, и тут мнения двоятся. Перец Смоленский, прародитель палестинофильского движения в России, считал: «не благодаря религии сохранилось еврейство – она сама является лишь продуктом национального стремления к самосохранению»⁵⁵. – И современный израильский учёный спрашивает: как же понять эту избранность? «Кто кого создал: Тора евреев или евреи – Тору?»; «Тора сохранила евреев. Но другой народ не сохранил бы Торы – с её 613-ю заповедями, со сложнейшим ритуалом»⁵⁶.

А православный богослов, историк Церкви А. В. Карташев писал в 1937: «Еврейство есть великая мировая нация. Для этого утверждения богослову и историку достаточно одного факта дарования миру Библии и порождения трёх мировых монотеистических религий. Нация, играющая огромную, непропорциональную своему статистическому меньшинству роль в мировом хозяйстве, мировой политике и мировой культуре; нация, превзошедшая всех своим национальным самоутверждением вопреки тысячелетиям рассеяния... Это хотя и не территориальная, но своего рода великая держава. Не объект филантропического сострадания, а равноправный субъект в мировом состязании великих наций»⁵⁷.

Бердяев: «Еврейский вопрос... это ось, вокруг которой вращается религиозная история. Таинственна историческая судьба евреев... Ни один народ в мире не пережил бы столь долгого рассеяния и наверное потерял бы своё лицо и растворился бы среди других народов. Но по неисповедимым путям Божиим народ этот должен сохраниться до конца времён. Менее

⁵³ М. Гершензон. Судьбы еврейского народа // «22», 1981, № 19, с. 114–116.

⁵⁴ Ф. М. Достоевский. Дневник писателя за 1877, 1880 и 1881 годы. М.; Л.: ГИЗ, 1929. 1877. Март. Гл. 3, с. 83.

⁵⁵ ЕЭ, т. 14, с. 405.

⁵⁶ Э. Мендесеричский. И Тора, и гены // «22», 1992, № 80, с. 152, 164.

⁵⁷ Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 5802, оп. 1, ед. хр. 31, л. 419–420.

всего, конечно, можно было бы объяснить историческую судьбу еврейства с точки зрения материалистического понимания истории»⁵⁸.

«Нерастворимость евреев... для [С.] Булгакова – признак того, что избранничество Божие почивает на еврействе, даже не принявшем Христа»⁵⁹; сам же Булгаков писал, что «с духовными судьбами Израиля таинственно и непреложно связаны и судьбы христианского мира»⁶⁰.

Что Бог избрал для своего человеческого воплощения и, во всяком случае, для исходной проповеди именно *эту* нацию и уже потому она *избранная* – этого не может отрицать христиан. «Распи, распи Его!» – то было всеобычное неизбежное ожесточение всякой тёмной фанатичной толпы против своего светлого пророка, – мы же всегда помним: Христос пришёл почему-то к евреям, хотя рядом были ясноумые эллины, а подальше и всевластные римляне.

Эту загадку религиозной избранности – как не признать.

Вот апостол Павел, в одном из порывов: «Я желал бы сам быть отлучённым от Христа за братьев моих, родных мне по плоти, то есть Израильтян», – однако «не все те Израильтяне, которые от Израиля», «не плотские дети суть дети Божии; но дети обетования» (Рим. 9: 3, 4, 6, 8).

Сознание особой предназначенности, исторической избранности помогло евреям сохранно пережить безпримерно долгое рассеяние. Но это же ощущение избранности и ссорило евреев с окружающими народами. Многовековое ожидание Мессии, а с ним и всеземного торжества, конечно же диктовало евреям гордость, но и отчуждённость от других народов. «Основную роль сыграло в этом чувство своего духовного первородства, которое испытывали евреи, где бы они ни жили и какие бы обычаи ни перенимали»⁶¹.

А насколько бы смиреннее: все народы – дети одного Бога, и зачем-то каждый народ нужен.

Крупный израильский историк, специалист по иудейской мистике Гершон Шалом предупреждал: для евреев «светскость невозможна», «если евреи попытаются себя объяснить только из истории, они должны будут прийти к самоликвидации, к полному краху, ибо в этом случае исчезнет всякий импульс к их существованию как нации»⁶².

Однако, как бывает в геологических процессах, когда одна порода вымывается и заменяется другою, но с большим подобием сохранения форм предыдущей (псевдоморфоз), – так в секулярные века и у самих евреев идея богоизбранности неизбежно должна была подмениться идеей – просто исторической и человеческой уникальности.

С которой тоже не поспоришь.

Уникальность еврейского народа несомненна, все её видят. Носами евреи осмысливают и переживают её по-разному.

Ищется даже «психологическая защита от ужаса своей уникальности»⁶³. – «Ни один другой народ не прошёл такую школу страдания... ни один другой народ не знал того напряжения души в беде, тот ужас при мысли о неизбежной гибели»⁶⁴. – «Евреи составляют исключение только в одном смысле: они избраны миром для дискриминации»⁶⁵. – «Часть [евреев]... не прочь избавиться от своей уникальности»⁶⁶.

⁵⁸ Н. Бердяев. Христианство и антисемитизм: (Религиозная судьба еврейства). Париж: Издание Религиозно-философской академии, [1938], с. 4–5.

⁵⁹ Н. Струве. От издателя // Сергей Булгаков. Христианство и еврейский вопрос. Париж: YMCA-Press, 1991, с. 6;

⁶⁰ Сергей Булгаков. Сион // Христианство и еврейский вопрос. Париж: YMCA-Press, 1991, с. 7–8.

⁶¹ П. Самородницкий. Станный народец // «22», 1980, № 15, с. 137.

⁶² С. Цирульников. Философия еврейской аномалии* // ВМ, Нью-Йорк, 1984, № 77, с. 144.

⁶³ А. Воронель. Уникальность Израиля // «22», 1981, № 20, с. 123.

⁶⁴ П. Самородницкий. Станный народец // «22», 1980, № 15, с. 145.

⁶⁵ Р. Виссе. «Свет для народов»? // «22», 1991, № 77, с. 111.

В широком же объёме еврейского сознания уникальность своего народа воспринимается не как бедствие, а как гордость. «Быть евреем по-прежнему больше честь, чем проклятие»⁶⁷. — «Люди не хотят отдавать это ощущение... выделенности, не хотят „обменивать“ его на что-либо иное... Отдать свою отмеченность — значит что-то серьёзное и ценное потерять»⁶⁸. — «Наша аномалия как государства, как народа и как движения... поступиться ли величием и страданиями, связанными с этой аномалией, или, наоборот, зная ей цену, всячески укреплять её?»; «мы имеем дело с особого рода сущностью, которую не только никакой топор не вырубит, но не способна объяснить никакая историческая или философская теория»⁶⁹. — «Хотим мы этого или не хотим, наши успехи и поражения, а также наши грехи и заслуги имеют всемирно-исторический характер и всемирно-историческое значение... Борьба за будущее евреев есть также и борьба за тот или иной образ всего остального мира»⁷⁰. — «Особость, не имеющая себе аналога в мировой истории» — это то, что евреи смогли совместить в себе национальное и универсальное начала, это «народ — сугубо национальный и космополитический — в одно и то же время»; «противоречивое единство этих двух начал (самоутверждение и ассимиляция) представляет собой высший закон еврейской жизни»⁷¹. — «Наше самосознание было в целом и космополитическим, и элитарным»⁷².

А глядя в наступающее человеческое будущее — сочетание в себе и национального, и универсального — может быть, самое необходимое (и победное) качество для новых столетий. Можно только пожелать его и нам, русским, и всем народам.

Но ощущение уникальности может придать сознанию и опрометчивый уклон.

Самому стремлению любого народа иметь идеал высший, прозревать предназначение высшее, чем только своё физическое существование, — не может быть упрёка, это стремление возвышает всякий народ в область Духа. Пусть не мессианство по прямому Божьему поручению, но — поиск и ощущение какой-то и своей особой миссии. Однако: что в ней искать?

Если бы вот так, как думают иные израильтяне (Натан Щаранский): избранность «примемлемо только в одном плане — как повышенная моральная ответственность»⁷³. Или, за 60 лет до него: «Не может безответственность... быть надёжной основой для нашей, еврейской жизни, жизни маленького народа, развеянного по миру... Легко ли это или нет, но мы должны сделать все усилия, чтобы познать себя и понять других»⁷⁴.

В 1939 году, перед самой гранью Второй войны, — редакция еврейского (на идише) сборника «На перепутье» поставила нескольким европейским интеллектуалам вопрос: «Следует ли евреям активно участвовать в общей политической жизни, не должны ли они ограничиться одной лишь еврейской политикой?»⁷⁵

На этот вопрос известный писатель Стефан Цвейг, космополит и ассимилированный австрийский еврей, ответил так. Не участвовать в политической жизни мы, как и никто, уже не можем. Вопрос надо исправить: «следует ли нам стремиться к *ведущему положению* в политической и общественной жизни». Мы уже никак не можем отбросить «наше интернациональное, наднациональное отношение к общечеловеческим вопросам». Однако «считаю не менее опасным... чтобы евреи выступали *лидерами* какого бы то ни было политического или обще-

⁶⁶ А. Воронель. Накануне XXI века // «22», 1991, № 74, с. 141.

⁶⁷ Д. Сэгре. Сионизм до и после национального возрождения // «22», 1978, № 3, с. 142.

⁶⁸ Д. Левин. На краю соблазна: [Интервью] // «22», 1978, № 1, с. 53.

⁶⁹ И. Эльдад. Еврейская аномалия в трёх измерениях // ВМ, Нью-Йорк, 1984, № 76, с. 140, 147.

⁷⁰ А. Воронель. Накануне XXI века // «22», 1991, № 74, с. 146–147.

⁷¹ С. Цирюльников. Философия еврейской аномалии // ВМ, Нью-Йорк, 1984, № 77, с. 149, 152, 154–155.

⁷² А. Кучерский. Еврейская парадигма // «22», 1993, № 88, с. 136.

⁷³ А. Щаранский. [Интервью] // «22», 1986, № 49, с. 112.

⁷⁴ И. М. Бикерман. Россия и русское еврейство // РиЕ, с. 13.

⁷⁵ ВМ*, Тель-Авив, 1976, № 11, с. 192.

ственного движения... При наличии равных с другими прав евреи имеют далеко не равную со всеми ответственность», а «во сто тысяч раз» бóльшую. «*Служить* – пожалуйста, но лишь во втором, в пятом, в десятом ряду и ни в коем случае не в первом, не на видном месте. [Еврей] обязан жертвовать своим честолюбием в интересах всего еврейского народа». (Здесь – поучителен урок о моральной связи и каждого еврея с судьбой своего народа.) «Нашей величайшей обязанностью является самоограничение не только в политической жизни, но и во всех прочих областях... Единственная польза, единственный смысл, которые можно извлечь из трагического урока, выпавшего на долю евреев, – это их внутреннее воспитание. Лишь тогда... наши невиданные страдания имели бы хоть какой-то смысл, если бы они побудили еврея совершать не шумные, а по-настоящему великие дела»⁷⁶.

Какие высокие, замечательные, золотые слова, – и для евреев, и для неевреев, для всех людей. Самоограничение – от чего оно не лечит! Но в том-то и мучительная нить, что именно самоограничение – трудней всего и даётся вообще людям.

Макс Брод, убеждённый сионист и, казалось бы, полный оппонент Цвейгу, – ответил почти буквально то же: «Очень опасно для евреев вмешиваться в политическую жизнь других народов... Такое участие нас непременно раздавит и уничтожит». Еврей «должен ограничивать себя, воздерживаться... Воздержаться, но не отходить в сторону! Воздержаться – это значит: не стремиться к лидерству или к наградам в чужой политике, но действовать с сознанием ответственности, открыто, ясно, отнюдь не тайно, за кулисами»⁷⁷.

И это последнее добавление – опять-таки превосходно. (И опять же, честно сказать: и всем людям, и евреям, – как бывает трудно следовать ему.)

И в сегодняшнем Израиле мудро мыслящие евреи отчётливо говорят: «Наше вмешательство в дела других народов всегда оборачивалось плохо и для этих народов, и для еврейского народа»⁷⁸. – Мы «много раз в современной истории... обнаруживали несправедливость в основаниях существующих обществ, а наша безответственность, как меньшинства, способствовала созданию новых, гораздо худших». Мы были «потомственные подаватели советов»⁷⁹.

А вот, после советских десятилетий строго оглядясь, пишет современный еврейский автор из диаспоры: «Конечно, эта история [евреев] была, как и у других народов, не только история благочестивых, но и безсовестных, не только беззащитных и ведомых на смерть, но и вооружённых, несущих смерть, не только преследуемых, но и преследующих. Есть в этой истории страницы, которые без содрогания нельзя открыть. И как раз эти страницы систематически и намеренно вытеснялись из сознания евреев»⁸⁰.

По заключению Э. Ренана, удел народа Израиля отначала был: стать *бродилом* для всего мира. Эта мысль, согласно или полемически, повторяется и у наших современников: «Мы стали бродильным началом среди неевреев, в среде которых мы жили»⁸¹. – «...Дескать, избранность еврейского народа в том и состоит, чтобы вечно жить в рассеянии. „Мы дрожи... наша задача – сбраживать чужое тесто“»⁸².

И по многим историческим примерам, и по общему живому ощущению, надо признать: это – очень верно схвачено. Ещё современнее скажем: катализатор. Катализатора в химической реакции и не должно присутствовать много, а действует он на всю массу вещества.

⁷⁶ Стефан Цвейг. Не внешняя мишура, но внутреннее воспитание // ВМ, 1976, № 11, с. 193–195.

⁷⁷ Макс Брод. Любовь на расстоянии // ВМ, 1976, № 11, с. 200–202.

⁷⁸ Р. Нудельман [в беседе с Л. Плющом] // «22», 1978, № 3, с. 192.

⁷⁹ А. Воронель. Иаков остался один // «22», 1985, № 40, с. 126.

⁸⁰ Sonja Margolina. Das Ende der Lügen: Rußland und die Juden im 20. Jahrhundert. Berlin: Siedler Verlag, 1992, S. 151.

⁸¹ И. Эльдад. Еврейская аномалия в трёх измерениях // ВМ, Нью-Йорк, 1984, № 76, с. 147.

⁸² Н. Воронель. Оглянись в раздумье... [Круглый стол] // «22», 1982, № 24, с. 118.

К этому следует добавить не только несомненную подвижность ума, еврейское «доверие к разуму и ощущение, что конструктивными усилиями можно решить все проблемы»⁸³, но и – острую чуткость к струям времени. Чутче евреев, я думаю, нет народа во всём человечестве, во всей истории. Ещё только первые молекулы тления испускает государственный или общественный организм – уже евреи от него откидываются, хотя были бы доселе привержены, уже – отреклись от него. И едва только где пробился первый росток от будущего могучего ствола – уже евреи видят его, хвалят, пророчат, выстраивают ему защиту. – «Такое свойство темперамента, при котором евреи всегда оказываются на стороне „самых передовых“ идей... очень уж для нас, евреев, характерно»⁸⁴.

Предпринятый тут обзор мнений даёт нам до некоторой степени объемлющее сознание, с которым мы вступаем в дальнейшее чтение.

⁸³ А. Воронель. Трепет иудейских забот. 2-е изд. Рамат-Ган: Москва – Иерусалим, 1981, с. 63.

⁸⁴ А. Воронель. Агасферическое сознание и сионизм // «22», 1992, № 80, с. 204.

Часть II

В советское время

Глава 13

В Февральскую революцию

123-летняя история неравноправного подданства еврейского народа в России (считая от Указа Екатерины 1791 г.) закончилась с Февральской революцией.

Стоит оглянуться на атмосферу тех февральских дней – каким подошло общество к этому моменту эмансипации?

Первую неделю петроградских революционных событий газет не было. А затем они выступили с трубным гласом, менее всего задумываясь или ища жизненные государственные пути, но наперебой спеша поносить всё прошедшее. В невиданном размахе кадетская «Речь» призывала: отныне «вся русская жизнь должна быть перестроена с корня»⁸⁵. (Тысячелетнюю жизнь! – почему уж так сразу «с корня»?) – А «Биржевые ведомости» выступили с программой действий: «Рвать, рвать без жалости все сорные травы. Не надо смущаться тем, что среди них могут быть и полезные растения, – лучше чище прополоть с неизбежными жертвами»⁸⁶. (Да это март 17-го или 37-го?) – Расшаркивался новый министр иностранных дел Милоков: «До сих пор нам приходилось краснеть перед нашими союзниками за наше правительство... Россия лежала мёртвым весом на деле союзников»⁸⁷.

Редко в те первые дни можно было услышать дельные слова о том, что же надо теперь вообще делать в России? Улицы Петрограда в хаосе, сотни полицейских загнаны под замок, по городу не утихает беспорядочная вольная стрельба, – но всё заливают общее ликование, хотя по каждому конкретному вопросу разброд мыслей и мнений, разногласия перьев. Вся пресса и общество сходились едва ли не в одном: в безотложном установлении еврейского равноправия. Красноречиво писал Фёдор Сологуб в «Биржевых ведомостях»: «Самое существенное начало гражданской свободы, без чего земля наша не может быть святою, народ не может быть праведным, всенародный подвиг не станет священным... – снятие вероисповедных и расовых ограничений».

Равноправие евреев продвигалось, и даже весьма быстро. Первого марта (ст. ст.), за день до отречения царя, за несколько часов до знаменитого «Приказа № 1», губительно толкнувшего армию к развалу, – комиссары Думского Комитета, посланные в министерство юстиции, В. Маклаков и М. Аджемов, провели распоряжение по министерству: зачислить всех евреев – помощников присяжных поверенных в сословие присяжной адвокатуры. – «Уже 3 марта... председатель Государственной Думы М. Родзянко и министр-председатель Временного правительства кн. Г. Львов подписали декларацию, в которой говорилось, что одной из главных целей новой власти является „отмена всех сословных, вероисповедных и национальных ограничений“»⁸⁸. – Затем, 4 марта, военный министр Гучков внёс предложение открыть евреям дорогу в офицерство, а министр просвещения Мануйлов – отменить процентную норму для евреев. Оба предложения были приняты без помех. – 6 марта министр торговли-промыш-

⁸⁵ Речь, 1917, 7 марта, с. 2.

⁸⁶ Биржевые ведомости, 1917, 8 марта (здесь и далее – утренний выпуск), с. 5.

⁸⁷ Биржевые ведомости, 1917, 10 марта, с. 6.

⁸⁸ Краткая Еврейская Энциклопедия (далее – КЕЭ): [В 10 т.]. Иерусалим, 1976–2001. Т. 7, с. 377.

ленности Коновалов начал устранять «национальные ограничения в акционерном законодательстве», то есть отмену запрета на покупку земли компаниям с евреями в правлениях.

И меры эти быстро проводились в жизнь. 8 марта в Москве зачислено в присяжные поверенные 110 «помощников»-евреев, 9 марта в Петрограде – 124⁸⁹, 8 марта в Одессе – 60⁹⁰. 9 марта киевская городская дума экстраординарным постановлением, не дожидаясь следующих выборов, включает в свой состав пятерых гласных-евреев⁹¹.

И вот, «20 марта Временное правительство приняло постановление, подготовленное министром юстиции А. Керенским при участии членов политического бюро при еврейских депутатах 4-й Государственной Думы... Этим законодательным актом (опубликован 22 марта) отменялись все „ограничения в правах российских граждан, обусловленные принадлежностью к тому или иному вероисповеданию, вероучению или национальности“». Это был, по существу, первый крупный законодательный Акт Временного правительства. «По просьбе политического бюро [при еврейских депутатах] евреи в постановлении не упоминались»⁹².

Но, чтобы «отменить все ограничения, существовавшие для евреев во всём нашем законодательстве, чтобы искоренить... полностью неравноправие евреев», вспоминает Г. Б. Слиозберг, «надо было составить такой полный список всех ограничений... Составление списка отменяемых законов об ограничении евреев требовало большой осторожности и опыта» (и за это дело взялись Слиозберг и Л. М. Брамсон)⁹³. – Израильская Энциклопедия сообщает: в Акт «вошёл перечень статей российских законов, утративших силу с принятием постановления; почти все эти статьи (их было около 150) содержали те или иные антиеврейские ограничения. Отмене подлежали, в частности, все запреты, связанные с существованием черты оседлости; тем самым получила законодательное оформление её фактическая ликвидация, происшедшая в 1915»⁹⁴. – Ограничения снимались слой за слоем: с передвижения, жительства, учебных заведений, участия в местном самоуправлении, с права приобретения собственности на имущество по всей России, с участия в казённых подрядах, в акционерных обществах, с права найма иноверной прислуги, рабочих и приказчиков, занятия должностей при поступлении на государственную и военную службу, с опекунов, попечительств. Вспоминная казус расторжения договора с Соединёнными Штатами, снимались подобные ограничения и с «иностранцев не воюющих с Россией держав», то есть, главным образом, с приезжающих американских евреев.

Обнародование Акта вызвало множество эмоциональных выступлений. – Депутат Государственной Думы Н. Фридман: «За последние 35 лет русское еврейство подверглось гонениям и унижениям, неслыханным и небывалым даже в истории нашего многострадального народа... Всё... приносилось в жертву государственному антисемитизму»⁹⁵. – Адвокат О. О. Грузенберг: «Если дореволюционная российская государственность была чудовищно-громоздкой тюрьмой... то самая зловонная, жестокая камера, камера-застенок, – была отведена для нас, шести-миллионного еврейского народа... И в первый раз ростовщический термин – „процент“ – еврейский ребёнок познавал от... государственной школы... Словно каторжные в пути, все евреи были скованы одной общей цепью презрительного отчуждения... Брызги крови наших отцов и матерей, брызги крови наших сестёр и братьев пали на нашу душу, зажигая и раздувая в ней неугасимый революционный пламень»⁹⁶.

⁸⁹ Речь, 1917, 9 марта, с. 4; 10 марта, с. 5; и др.

⁹⁰ Биржевые ведомости, 1917, 9 марта, с. 2.

⁹¹ Биржевые ведомости, 1917, 10 марта, с. 2.

⁹² КЕЭ, Т. 7, с. 377.

⁹³ Г. Б. Слиозберг. Дела минувших дней: Записки русского еврея: В 3 т. Париж, 1933–1934. Т. 3, с. 360.

⁹⁴ КЕЭ, Т. 7, с. 377.

⁹⁵ Речь, 1917, 25 марта, с. 6.

⁹⁶ Речь, 1917, 25 марта, с. 6.

Супруга Винавера Роза Георгиевна вспоминает: «Событие это совпало с празднованием еврейской Пасхи. Казалось, что был второй Исход из Египта. Какой долгий, долгий путь страданий и борьбы пройден, и как быстро всё свершилось. Был созван большой еврейский митинг», на котором выступил Милюков: «Смыто наконец позорное пятно с России, которая сможет теперь смело вступить в ряды цивилизованных народов». А Винавер «предложил собранию в память этого события построить в Петрограде большой еврейский народный дом, который будет называться „Домом Свободы“»⁹⁷.

Три члена Государственной Думы, М. Бомаш, И. Гуревич и Н. Фридман, опубликовали обращение «К еврейскому народу»: теперь «наши неудачи на фронте были бы непоправимым несчастьем для неокрепшей ещё свободной России... Свободные еврейские воины... почерпнут новые силы для упорной борьбы, с удесатерённой энергией продлив свой ратный подвиг». Также и естественный план: «еврейский народ приступит к немедленной организации собственных сил. Давно отжившие формы нашей общинной жизни должны быть обновлены... на свободных, демократических началах»⁹⁸.

Писатель-журналист Давид Айзман отозвался на Акт равноправия призывом: «Наша родина! Наше отечество! И они в беде. Со всей страстью... станем защищать нашу землю... Не было для нас от времени защиты Храма подвига такого святого».

А вот воспоминания Слиозберга: «Счастье дожить до провозглашения эмансипации евреев в России и избавления от безправного положения, против которого я боролся по мере своих сил в течение трёх десятков лет, не преисполняло меня тою радостью, которая была бы естественна», – уже сразу начался развал⁹⁹.

И через семьдесят лет один еврейский автор выразил даже сомнение: «Изменил ли формально-правовой акт реальную ситуацию в стране, где всякие правовые нормы стремительно теряли какую-либо силу?»¹⁰⁰

Ответим: всё же так, издали, преуменьшать достигнутое – нельзя. Тогда – Акт просторно улучшил, резко изменил положение евреев. А что тут же вся страна, со всеми населяющими её народами, будет лететь в пропасть – это уже объёмлющее дыхание Истории.

Самая быстрая и заметная перемена совершилась в судах. Если раньше взяточная комиссия Батюшина вела следствие против очевидного мошенника Д. Рубинштейна, то теперь наоборот: дело Рубинштейна прекращено, и он уже посещает в Зимнем дворце Чрезвычайную Следственную комиссию и с успехом требует следствия над комиссией Батюшина. И действительно, в марте же арестовывают генерала Батюшина, полковника Резанова и других следователей, с апреля начинается следствие над ними – и оказывается, что вымогательство взяток с банкиров и сахарозаводчиков у них, видимо, было немалое. Теперь распечатываются запечатанные Батюшиным сейфы банков Волжско-Камского, Сибирского и Юнкера – и этим банкам возвращены все бумаги. (Не так удачно складываются дела у Симановича и Мануса. Симанович арестован как секретарь Распутина, предлагает конвойным 15 тысяч рублей, если ему дадут поговорить по телефону, те «в исполнении просьбы, конечно, отказали»¹⁰¹. А Манусу, подозреваемому в сделках с германским агентом Колышко, через дверь пришлось отстреливаться от контрразведки. Поначалу арестован, но позже скрылся за границу.) – Обстановку же в Чрезвычайной Следственной комиссии Временного правительства можно явно проследить по протоколам допросов в позднем марте. Протопопова спрашивают о том, как его назначили

⁹⁷ Р. Г. Винавер. Воспоминания (Нью-Йорк, 1944) // Хранение Гуверского Института Войны, Революции и Мира – Стэнфорд, Калифорния. Машинопись, с. 92.

⁹⁸ Русская воля, 1917, 29 марта, с. 5.

⁹⁹ Г. Б. Слиозберг. Дела минувших дней..., Т. 3, с. 360.

¹⁰⁰ Б. Орлов. Россия без евреев // «22»: Обществ. – политический и литературный журнал еврейской интеллигенции из СССР в Израиле. Тель-Авив, 1988, № 60, с. 157.

¹⁰¹ Речь, 1917, 17 марта, с. 5.

министром внутренних дел, а в ответе он напоминает о своём циркуляре – «значительно расширял правожительство евреев» в Москве; вообще главные задачи? – «во-первых, продовольственное дело, [за ним] на очереди прогрессивное движение: еврейский вопрос...». Директор департамента полиции А. Т. Васильев не упустил отметить, что помогал защите сахарозаводчиков (евреев): «Грузенберг позвонил мне утром на квартиру и благодарил меня за содействие»; «Розенберг... пришёл поблагодарить меня за хлопоты о нём»¹⁰². Так допрашиваемые искали для себя смягчение.

Отметным признаком мартовских недель стали энергичные меры против известных или пресловутых юдофобов. Первым же арестованным, 27 февраля, был министр юстиции Щегловитов. Его обвиняли, что именно он дал указания пристрастно вести дело Бейлиса. В следующие дни были арестованы обвинители по делу Бейлиса прокурор Виппер и сенатор Чаплинский. (Однако конкретных обвинений им не предъявили, и в мае 1917 Виппер был всего лишь уволен с должности обер-прокурора уголовно-кассационного департамента Сената; расправа ждала его позже, при большевиках.) Судебному следователю Машкевичу велели теперь подать в отставку за то, что в деле Бейлиса он допустил не только экспертизу против существования ритуального убийства, но и вторую экспертизу, за. Все материалы по делу Бейлиса были затребованы министром юстиции Керенским из киевского окружного суда¹⁰³, и предполагался громкий пересмотр, да в бурном ходе 1917 этого не случилось. Был арестован и д-р Дубровин, председатель «Союза Русского Народа», вместе со своим архивом; арестованы издатели крайне правых газет Глинка-Янчевский и Полубояринова; книжные магазины Монархического союза просто сожжены. Две недели искали арестовать скрывшихся Н. Маркова и Замысловского (кроме Петербурга – ночные обыски в Киеве, в Курске), – Замысловского за активное участие в деле Бейлиса, а Маркова, очевидно, за депутатские речи в Государственной Думе. В то же время Пуришкевича не трогали – надо полагать, по причине его революционных речей в Думе в ноябре и участия в убийстве Распутина. Появилась и низкая басня, что Столыпин принимал участие в убийстве Иоллоса, – и в Кременчуге именно улицу Столыпина переименовали в улицу Иоллоса.

По всей России катились сотенные аресты лиц – уже теперь за их прежние посты или прежние их *настроения*.

Надо отметить, что объявление еврейского равноправия не вызвало ни одного погрома. Стоит это отметить не только из-за сравнения с 1905 годом, но и потому, что весь март и весь апрель, из главных новостей, лилось по разным газетам, по разным выступлениям: что готовятся, готовятся – и вот уже где-то якобы начались и происходят еврейские погромы.

Слухи появились 5 марта, что то ли в Киевской, то ли в Полтавской губернии есть опасность еврейского погрома, а кто-то в Петрограде наклеил рукописную антиеврейскую листовку. В ответ Исполнительный Комитет Совета Рабочих и Солдатских депутатов (ИК СРСД) создал специальную «иногогородную комиссию по связям с местами... Рафес, Александрович, Суханов». Их задача: «посылка комиссаров в разные города, и в первую очередь в те районы, где чёрная сотня, прислужница старого режима, пытается сеять национальную рознь среди населения»¹⁰⁴. В «Известиях СРСД» появилась статья «Погромная агитация»: «Было бы огромной ошибкой, равной преступлению, закрывать глаза на новую попытку низвергнутой династии...» – это она всё затевает... «В Киевской и Полтавской губернии среди малоразвитых, отсталых слоёв населения в настоящий момент ведётся агитация, направленная против евреев... Евреям ставится в вину поражение нашей армии, и революционное движение

¹⁰² Падение царского режима: Стенографические отчёты допросов и показаний, данных в 1917 г. в Чрезвычайной Следственной Комиссии Временного Правительства. Л.: ГИЗ, 1924. Т. 1, с. 119–121, 429.

¹⁰³ Русская воля, 1917, 21 апреля, с. 4.

¹⁰⁴ Известия Петроградского Совета Рабочих и Солдатских Депутатов (далее – Известия), 1917, 6 марта, с. 4.

в России, и падение абсолютизма... Старая уловка... тем более опасная, что она пускается в ход именно теперь... Необходимо немедленно же приступить к решительным мерам против погромных агитаторов»¹⁰⁵. После чего командующий Киевским военным округом ген. Ходорович издал приказ: всем воинским частям принять все меры к предупреждению возможных антиеврейских беспорядков.

И затем ещё долго, даже и в апреле, в разных газетах, с перерывами по два-три дня, появлялись новые слухи о подготовке еврейских погромов¹⁰⁶ или по меньшей мере о перевозке по железным дорогам кип «погромной литературы». А настойчивей всего текли слухи о предстоящем погроме в Кишинёве – это в конце марта, как раз между еврейской и православной Пасхами, по аналогии с 1903.

И много ещё было частных тревожных сообщений (даже что погром готовят могилёвские полицейские, рядом со Ставкой Верховного) – и ни одно не оправдалось.

Надо хоть чуть познакомиться с фактами тех месяцев, почувствовать всю «февральскую» атмосферу, как разгромлены правые, как ликовали левые, в каком ошеломлении и в какой растерянности был простой народ, – чтоб от порога утверждать, что тогда более всего невероятны были именно еврейские погромы. Но как простому еврейскому обывателю в Киеве или в Одессе позабыть те ужасные дни 12 лет тому назад? Понятна его настороженность на десять вздохов вперёд ко всякому шевелению к тому.

Другое дело – осведомлённые газеты. Тревогу, набат, выражаемый газетами, просвещёнными лидерами либерального лагеря и полуинтеллигентами социалистического, – нельзя назвать никак иначе, как политической провокацией. Провокацией, однако, к счастью, не сработавшей.

Единственный реальный эпизод произошёл на Бессарабском базаре в Киеве 28 апреля: девочка украла кусок ленты в еврейской лавке и побежала; приказчик догнал её и бил. Толпа кинулась устроить самосуд над тем приказчиком и хозяйкой лавки – но милиция отстояла их. – Да в Рогачёвском уезде в ответ на дороговизну стали бить все лавки подряд – а из них многие были еврейские.

Кто и где действительно встретил еврейскую свободу неприязненно – это наша легендарно-революционная Финляндия и наша могучая союзница Румыния. В Финляндии (как мы уже видели, глава 10, у Жаботинского) и прежде евреям запрещено было жить постоянно, а с 1858 разрешено только «потомкам евреев-солдат, служивших здесь», то есть в Финляндии, в Крымскую кампанию. «Паспортный закон 1862... подтвердил запрещение евреям въезда в Финляндию», а «разрешено временное пребывание по усмотрению местного губернатора», и евреи не могли стать финскими гражданами; чтобы вступить в брак – еврей должен был выезжать в Россию; ограничено было право евреев свидетельствовать в финляндских судах. Несколько попыток осуществить полегчания или равноправие не удались¹⁰⁷. – А теперь, с наступившим в России еврейским равноправием, Финляндия, ещё и не объявившая свою полную независимость, не вносила в свой сейм законопроект о еврейском равноправии. Больше того: она выселяла евреев, без разрешения проникших туда, и не в сутки, а в час, с первым отходящим поездом. (Случай 16 марта, вызвавший большой всплеск в русской печати.) Но Финляндию всегда принято было превозносить за помощь революционерам, и либеральные и социалистические круги замялись. Только Бунд в телеграмме финским социалистам (весьма влиятельным) выговорил, что до сих пор не отменены правила, «сохранившиеся в Финляндии со времён Средневековья». Бунд, «партия Еврейского пролетариата России, выражает твёрдую

¹⁰⁵ Известия, 1917, 6 марта, с. 2.

¹⁰⁶ Например: Биржевые ведомости, 1917, 8 и 12 апреля; Русская воля, 1917, 9 апреля; Известия, 1917, 15 и 28 апреля; и др.

¹⁰⁷ Еврейская Энциклопедия: В 16 т. СПб.: Общество для Научных Еврейских Изданий и Изд-во Брокгауз – Ефрон, 1906–1913. Т. 15, с. 281–284.

уверенность, что вы снимете это позорное пятно со свободной Финляндии»¹⁰⁸. Однако в уверенности этой – Бунд ошибся.

И большое возбуждение было в послефевральской прессе о преследовании евреев в Румынии, – даже, писали: в Яссах запрещено и на собраниях и на улицах пользоваться еврейским языком. Вот и всероссийский сионистский студенческий съезд «Геховер» постановил «горячо протестовать против оскорбительного для мирового еврейства и унижительного для всемирной демократии факта гражданского безправия евреев в союзной Румынии и в Финляндии»¹⁰⁹. – Румыния из-за своих крупных военных поражений стояла слабо. И премьер Братиану в Петрограде в апреле оправдывался, что «большинство евреев в Румынии... переселились туда» из России, это и «побуждало румынское правительство ограничивать евреев в политических правах», но равноправие обещал¹¹⁰. Однако в мае читаем: «фактически в этом направлении ничего не делается»¹¹¹. (В мае же сообщал тамошний коммунист Раковский: «Невыносимое... положение евреев» в Румынии, их винят в поражении страны, в братании с немцами в занятой части Румынии. «Если бы румынские власти не боялись [мнения союзников], то можно было бы опасаться и за жизнь евреев»¹¹².)

Мировой же отклик, у союзников, на Февральскую революцию был в тоне глубокого удовлетворения, у многих – восторга, но он поддерживался и близоруким расчётом: что теперь-то Россия станет несокрушима в войне. В Великобритании и Соединённых Штатах отмечены массовые митинги в поддержку революции и прав российских евреев. (Я немного этих откликов привёл в «Марте Семнадцатого», в главах 510 и 621.) Из Америки вскоре предложили прислать России копию статуи Свободы. (Но вкось пошли российские дела, и до статуи не дошло.) В английском парламенте 9 марта министру иностранных дел был задан в палате общин вопрос в отношении евреев в России: собирается ли он консультироваться с русским правительством относительно гарантий русским евреям на будущее и возмещений им за прошлое? Ответ выражал полное доверие британского правительства новому русскому правительству¹¹³. – Президент Международного Еврейского Союза слал из Парижа поздравления премьеру князю Львову, и тот отвечал: «Отныне свободная Россия сумеет уважать верования и обычаи всех её народов, навеки объединённых религией любви к отечеству». «Биржёвка», «Речь» и многие сообщали о сочувствии «известного руководителя враждебных России североамериканских кругов» Якова Шиффа: «Я всегда был врагом русского самодержавия, безжалостно преследовавшего моих единоверцев. Теперь позвольте мне приветствовать... русский народ с великим делом, которое он так чудесно совершил»¹¹⁴. И вот он «приглашает новую Россию к заключению широких кредитных операций в Америке»¹¹⁵. И действительно, «в то время он принял поддержку существенным кредитом правительства Керенского»¹¹⁶. – Уже в эмиграции в правой русской печати появлялись расследования, пытавшиеся доказать, что Шифф активно финансировал саму революцию. Не исключено, что он разделял близорукие надежды западных кругов, что русская либеральная революция укрепит Россию в войне. Впрочем, и известные и открытые шаги Шиффа, всегда враждебные к российскому самодержавию, имели даже больший вес, чем какая-либо возможная скрытая помощь такой революции.

¹⁰⁸ Известия, 1917, 26 марта, с. 2.

¹⁰⁹ Русская воля, 1917, 15 апреля, с. 4.

¹¹⁰ Биржевые ведомости, 1917, 23 апреля, с. 3.

¹¹¹ Биржевые ведомости, 1917, 19 мая, с. 1.

¹¹² День, 1917, 10 мая.

¹¹³ Биржевые ведомости, 1917, 11 марта, с. 2.

¹¹⁴ Биржевые ведомости, 1917, 10 марта, с. 6.

¹¹⁵ Речь, 1917, 10 марта, с. 3.

¹¹⁶ Encyclopaedia Judaica. Jerusalem: Keter Publishing House, 1971, vol. 14, p. 961.

Сама же Февральская революция часто и сознательно взывала за поддержкой к евреям как целой порабощённой нации. И повсеместны свидетельства, что российские евреи встретили Февральскую революцию восторженно.

Но есть – и противосвидетельства. Вот у социалиста Григория Аронсона, создавшего и возглавившего Совет рабочих депутатов Витебска (туда позже вошёл и будущий историк Е. В. Тарле), читаем. В первый же день, как весть о революции достигла Витебска, заседал в городской думе новообразованный Совет Безопасности – а сразу оттуда Аронсона пригласили на собрание представителей еврейской общины (ясно, что не рядовых, а авторитетных). «По-видимому, была потребность сговориться со мной, как с представителем новой грядущей эпохи, о том, что дальше делать и как быть... Я почувствовал отчуждение от этих людей, от круга их интересов и от той атмосферы, я сказал бы довольно напряжённой, которая была на этом собрании... У меня было такое ощущение, что община в большинстве своём принадлежит старому миру, который уходит куда-то в прошлое»¹¹⁷. «Нам так и не удалось устранить появившийся откуда-то взаимный холодок. На лицах людей, с которыми меня связывала и работа, и личные отношения, не только не было никакого подъёма и никакой веры. Моментами казалось даже, что они, эти безкорыстные общественные деятели, чувствуют себя в какой-то мере элементами старого строя»¹¹⁸.

Это – отчётливое свидетельство. Такое недоумение, осторожность и колебания владели религиозными консервативными евреями, разумеется, не в одном Витебске. Благоразумное старое еврейство, неся ощущение многовекового опыта тяжких испытаний, – было, очевидно, ошеломлено мгновенным свержением монархии и питалось опасливыми предчувствиями.

Но, в духе всего XX века, динамическая масса каждого народа, в том числе и еврейского, – уже была секулярна, не скована традициями и безудержно рвалась строить «счастливый Новый мир».

Еврейская Энциклопедия отмечает «резкое усиление политической активности еврейства, заметное даже на фоне бурного общественного подъёма, охватившего Россию после февраля 1917»¹¹⁹.

Сам я, много лет работая над «февральской» прессой и воспоминаниями современников Февраля, не мог бы это «резкое усиление», этот ветровой напор не заметить. В тех материалах, от самых разных свидетелей и участников событий, еврейские имена многочисленны, а еврейская тема настойчива, многозвучна. По воспоминаниям Родзянко, градоначальника Балка, генерала Глобачёва и многих других – с первых дней революции в глубинах Таврического дворца бросалось в глаза число евреев – членов комендатуры, опрашивающих комиссий, торговцев брошюрами. Вот и расположенный к евреям В. Д. Набоков писал: 2 марта у входа в Таврический сквер перед зданием Думы «происходила невероятная давка, раздавались крики; у входных ворот какие-то молодые люди еврейского типа опрашивали проходивших»¹²⁰. По Балку же, толпа, громившая «Асторию» в ночь на 28 февраля, состояла из «вооружённых... солдат, матросов и евреев»¹²¹. Я допускаю тут и позднюю эмигрантскую раздражительность – мол, «всё – евреи закрутили». – Но и посторонний наблюдатель, методистский пастор д-р Саймонс, американец, к тому времени 10 лет проживший в Петрограде и хорошо его знавший, отвечал в 1919

¹¹⁷ Г. Я. Аронсон. Интервью радиостанции «Свобода» // Воспоминания о революции 1917 года. Интервью № 66, Мюнхен, 1966, с. 13–14.

¹¹⁸ Г. Аронсон. Революционная юность: Воспоминания, 1903–1917 // Inter-University Project on the History of the Menshevik Movement, Paper № 6. New York, August 1961, p. 133.

¹¹⁹ КЕЭ, Т. 7, с. 378.

¹²⁰ В. Набоков. Временное Правительство // Архив Русской Революции, издаваемый И. В. Гессеном: [В 22 т.]. Берлин: Слово, 1922–1937. Т. 1, с. 15.

¹²¹ А. Балк. Последние пять дней царского Петрограда (23–28 февраля 1917): Дневник последнего Петроградского Градоначальника // Хранение Гуверского Института. Машинопись, с. 16.

комиссии американского Сената: «Вскоре после мартовской революции 1917 г. повсюду [в Петрограде] были видны группы евреев, стоявших на скамьях, ящиках из-под мыла и т. д. и ораторствовавших... Существовало ограничение права жительства евреев в Петрограде; но после революции они слетелись целыми стаями, и большинство агитаторов оказывалось евреями... [это были] вероотступники-евреи»¹²². – Приехал в Кронштадт за несколько дней до кровавой расправы над 60 офицерами (по заготовленным спискам) и стал инициатором и председателем кронштадтского «Комитета революционного движения» – «студент Ханох». (Приказ комитетов: всех до одного офицеров арестовать и судить. «Ложная информация заботливо пускалась кем-то» и вызывала расправы сперва в Кронштадте, затем в Свеаборге, при «полной неопределённости положения, при котором любой вымысел казался реальным фактом».)¹²³ Далее кронштадтскую кровавую эстафету перенял ещё не доучившийся психоневролог «доктор Рошаль». (С. Г. Рошаль после Октябрьского переворота – комендант Гатчины, в ноябре назначен комиссаром всего Румынского фронта, где убит по прибытии¹²⁴.) – Создана революционная милиция Васильевского острова, от её имени гласят Соломон и Каплун (будущий кровавый подручный Зиновьева). – Петроградская адвокатура создаёт специальную «комиссию для проверки правильности задержания лиц, арестованных во время революции» (таких были тысячи в Петрограде), то есть безсудно решать судьбу их и всех бывших жандармов и полицейских, – возглавляет её присяжный поверенный Гольдштейн. – Однако и неповторимый рассказ унтера Тимофея Кирпичникова, с которого и покати́лась уличная революция, записал в марте же 1917 и сохранил нам – любознательный к истории Яков Маркович Фишман. (Я с признательностью полагался в «Красном Колесе» на эту запись.)

И вот, итожит Еврейская Энциклопедия, «евреи впервые в истории России заняли высокие посты в центральной и местной администрации»¹²⁵.

На самых верхах, в Исполнительном Комитете Совета рабочих и солдатских депутатов, незримо управлявшего страной в те месяцы, отличились два его лидера, Нахамкис-Стеклов и Гиммер-Суханов: в ночь с 1 на 2 марта продиктовали самодовольно-слепому Временному правительству программу, заранее уничтожающую его власть на весь срок его существования.

Размыслительный Г. А. Ландау объясняет примыкание евреев к революции – законом захватно-общим: «Несчастье России – и несчастье русского еврейства – заключалось в том, что результаты первой революции ещё не были переварены, не улеглись в новый строй, не выросло ещё новое поколение, – как стряслась великая и непосильная война. И когда наступил час развала, он застал поколение, с самого его начала бывшее в некотором смысле отработанным паром прежней революции, застал инерцию уже изжитой духовности, без органической связи с моментом, а прикованным духовной косностью к десятилетие назад пережитому периоду. И органическая революционность начала двадцатого века стала механической „перманентной революционностью“ военного времени»¹²⁶.

По многолетней и подробностной моей работе мне досталось осмыслять суть Февральской революции, заодно и еврейскую в ней роль. Я вывел для себя и могу теперь повторить: нет, Февральскую революцию – не евреи сделали русским, она была совершена, несомненно, самими русскими, – и, я думаю, я достаточно это показал в «Красном Колесе». Мы сами совершили это крушение: наш миропомазанный царь, придворные круги, высшие безталантные генералы, задубевшие администраторы, с ними заодно их противники – избранная интеллиген-

¹²² Октябрьская революция перед судом американских сенаторов: Официальный отчёт «овермэнской комиссии» Сената. М.; Л.: ГИЗ, 1927, с. 5.

¹²³ Д. О. Заславский, Вл. А. Канторович. Хроника Февральской революции. Пг.: Былое, 1924. Т. 1, с. 63, 65.

¹²⁴ Российская Еврейская Энциклопедия. М., 1994–... Т. 2, с. 502.

¹²⁵ КЕЭ, Т. 7, с. 381.

¹²⁶ Г. А. Ландау. Революционные идеи в еврейской общественности // Россия и евреи: Сб. 1 / Отечественное объединение русских евреев за границей. Париж: YMCA-Press, 1978 (1-е изд. – Берлин: Основа, 1924), с. 116.

ция, октябристы, земцы, кадеты, революционные демократы, социалисты и революционеры, – и с ними же заодно разбойная часть запасников, издевательски содержимых в петербургских казармах. И именно в этом шла к нам гибель. Среди-то интеллигенции уже было много евреев – но это никак не даёт основания назвать революцию еврейской.

Революции можно классифицировать: по главным движущим силам их, – и тогда Февральскую революцию надо признать российской, даже точнее – русской; если же судить по тому, как это принято у материалистических социологов, – кто больше всего, или быстрее всего, или прочнее всего, надолго выиграл от революции, – то можно было бы её назвать иначе (еврейской? но тогда – и немецкой? Вильгельм на первых порах вполне выиграл). А уж всё остальное русское население почти от начала получило только вред и развал – однако это не делает революцию «не-русской». Еврейское общество в России вполне получило от Февральской революции – всё, за что боролось, – и Октябрьский переворот действительно был уже никак не нужен ему, кроме той головорезной части еврейской секулярной молодёжи, которая со своими русскими братьями-интернационалистами накопила заряд ненависти к русскому государственному строю и рвалась «углублять» революцию.

И – как же, поняв это, я должен был двигаться через «Март Семнадцатого», затем и «Апрель»? Описывая революцию буквально по часам, я то и дело встречался в источниках со множеством эпизодов, разговоров на еврейскую тему. Но правильно ли бы сделал я, если бы это всё так и хлынуло на страницы «Марта»? Одолеет бы и книгу и читателей – который раз в Истории – лёгкий пикантный соблазн: всё свалить на евреев, на их действия и идеи, разрешить увидеть в них главную причину событий – а тем самым и отвести исследование от действительно главных причин.

И чтобы этого самообмана русских не произошло – я настойчиво, через всё Повествование, значительно приглушил в «Красном Колесе» собственно еврейскую тему – сравнительно с тем, как она тогда звучала в прессе, в воздухе.

Февральская революция была совершена – русскими руками, русским неразумием. В то же время в её идеологии – сыграла значительную, доминирующую роль та абсолютная непримиримость к русской исторической власти, на которую у русских достаточного повода не было, а у евреев был. И русская интеллигенция усвоила этот взгляд. (Об этом – уже было в главе 11.) Особенно резко возросла непримиримость после процесса Бейлиса, и потом после массового выселения евреев в 1915. И непримиримость победила умеренность.

Однако иначе смотрится Исполнительный Комитет Совета рабочих и солдатских депутатов, сформировавшийся в первые же часы революции. Этот Исполнительный Комитет – жёсткое теневое правительство, лишившее либеральное Временное правительство всякой реальной власти, – но и, преступно, не взявшее власть прямо, открыто себе. «Приказом № 1» Исполнительный Комитет вырвал власть у офицерства и оперся на разложенный петроградский гарнизон. Именно Исполнительный Комитет – а не присяжные поверенные, не лесопромышленники и не банкиры – повёл страну кратчайшим путём к гибели. Летом 1917 объяснял французскому дипломату Клоду Анэ член ИК Иосиф Гольденберг: «„Приказ № 1“ – не ошибка; то была необходимость... В день, когда мы сделали революцию, мы поняли, что, если мы не уничтожим старую армию, она раздавит революцию. Мы должны были выбирать между армией и революцией, и мы не колебались: мы выбрали последнюю... [и нанесли], я смею сказать, гениальный удар»¹²⁷. Вот так, вполне сознательно, Исполнительный Комитет в разгар войны развалил армию.

Допустим ли вопрос – кто были те столь успешные и роковые единицы, составляющие ИК? – Допустим: хотя бы тогда, когда действия лидеров круто меняют ход истории. И надо сказать, что состав Исполнительного Комитета очень волновал и публику, и газеты в 1917 году,

¹²⁷ Claude Anet. La révolution russe: Juin – Novembre 1917. Paris: Payot et Cie, 1918, p. 61.

пока многие члены ИК прятались под псевдонимами и два месяца скрывали себя от публичности: управляли Россией – неведомо кто. Потом оказалось, что был в ИК десяток солдат, вполне показных и придурковатых, держимых в стороне. Из трёх десятков остальных, реально действующих, – больше половины оказались евреи-социалисты. Были и русские, и кавказцы, и латыши, и поляки, – русских меньше четверти.

Умеренный социалист В. Б. Станкевич, отмечая, что «поражающей чертой в личном составе Комитета [было] количество инородческого элемента... совершенно несоразмерное их численности и в Петрограде и в стране», спрашивает: «Было ли это нездоровой пеной русской общественности...? Или это следствие грехов старого режима, который насильственно отменял в левые партии инородческие элементы? Или это просто результат свободного соревнования...?» И тогда – «остаётся открытым вопрос, кто более виноват – те инородцы, которые там были, или те русские, которых там не было, хотя могли быть»¹²⁸.

Для социалиста это может быть и вина. А по-доброму: вообще бы не погружаться в этот буйный грязный поток – ни нам, ни вам, ни им.

¹²⁸ В. Б. Станкевич. Воспоминания, 1914–1919. Берлин: Изд-во И. П. Ладыжникова, 1920, с. 86.

Глава 14

В ходе 1917

В начале апреля 1917 Временное правительство, с удивлением для себя обнаружив, что финансы России, и бывшие не в порядке, всего за один месяц революции сильно покатились в пропасть, объявило – шумно и надеясь разжечь восторженный патриотизм – подписку на «Заём Свободы».

Слухи о займе потекли ещё в марте, и министр финансов Терещенко заявил прессе: *уже* «поступают заявления о многомиллионном покрытии» ещё только предстоящего Займа Свободы – от банкиров, «преимущественно от еврейских банкиров, чего нельзя не поставить в связь с отменой вероисповедных и национальных ограничений»¹²⁹. И действительно, объявлен Заём – и запестрели газетные сообщения о крупной подписке на него именно евреев. И с призывами-шапками на первой странице, вроде: «Евреи-граждане! подписывайтесь на Заём Свободы», «Каждый еврей должен иметь облигации Займа Свободы»¹³⁰. В московской синагоге за один раз собрали подписку на 22 миллиона рублей. Еврейское население Тифлиса в первые же два дня подписалось на полтора миллиона, минские евреи за неделю – на полмиллиона, община Саратова – на 800 тысяч. В Киеве наследники Бродского подписались на миллион, Клара Гинсбург – на миллион. Откликнулись и западные евреи: Яков Шифф подписался на миллион; лондонский Ротшильд – тоже на миллион; а в Париже, «по предложению барона Гинзбурга... русские евреи решили принять активное участие... Подписка дала уже несколько миллионов»¹³¹. Создался и «Еврейский Комитет содействия успеху „Займа Свободы“» с крупным воззванием¹³².

После месяца, однако, подписка сильно не оправдала надежд Временного правительства. И в начале мая, затем ещё раз в начале июня, ещё и в конце июля, были опубликованы в газетах, для поощрения, списки лиц, подписавшихся на заём больше чем на 25 тысяч (заодно и с тем, что: «стыдно!» тем богачам, кто не подписался)¹³³. И эти списки поражают не столько изобилием еврейских фамилий (а на втором месте, пожалуй, обрусевшие немцы, с их непростым положением во время Германской войны) – сколько отсутствием крупной русской буржуазии, кроме нескольких виднейших имён московского купечества.

На сцене же политической «начался бурный рост левых и центристских партий, многие евреи включились в политическую жизнь страны»¹³⁴. От первых же послефевральских дней в столичных газетах обильно замелькали объявления о частных митингах, собраниях, заседаниях еврейских партий: больше всего – Бунда, затем Поалей-Цион, сионистов просто, сионистов-социалистов, сионистов-территориалистов, затем и СЕРПа (Социалистическая Еврейская Рабочая партия). – Уже с 7 марта читаем в газетах об ожидаемом близком созыве Всероссийского Еврейского съезда. Эта идея, высказанная Дубновым ещё «задолго до революции», теперь получила «широкое признание». Но из-за «острых разногласий между сионистами и бундовцами» – съезд в 1917 не состоялся (не состоялся и в 1918 – «из-за начавшейся гражданской войны и противодействия большевистских властей») ¹³⁵. – «В Петрограде была вос-

¹²⁹ Дело народа, 1917, 25 марта, с. 3.

¹³⁰ Русская воля, 1917, 14 апреля, с. 1; 20 апреля, с. 1; Речь, 1917, 16 апреля, с. 1; 20 апреля, с. 1.

¹³¹ Русская воля, 1917, 23 апреля, с. 4.

¹³² Биржевые ведомости, 1917, 24 мая, с. 2.

¹³³ Например: Русская воля, 1917, 10 мая, с. 5; Биржевые ведомости, 1917, 9 мая, с. 5; 1 июня, с. 6; Речь, 1917, 29 июля, с. 6.

¹³⁴ Краткая Еврейская Энциклопедия (далее – КЕЭ): [В 10 т.]. Иерусалим, 1976–2001. Т. 7, с. 399.

¹³⁵ КЕЭ, Т. 7, с. 380–381.

становлена Еврейская народная группа во главе с М. Винавером»¹³⁶ – не социалисты, а либералы. Они сперва надеялись быть в союзе с еврейскими социалистами, Винавер заявил: «Бунд шёл в авангарде революционного движения, и мы приветствуем эту партию»¹³⁷. Но социалисты упрямо отказались.

Бурное оживление еврейских партий в Петрограде косвенно указывает, что революция застала в столице уже весьма немалое по численности и энергии еврейское население. Но кого в Петрограде почти не было – это «еврейского пролетариата», и поэтому особенно удивляет успех Бунда. Бунд шагал тут энергичнее всех: собирал – то петроградскую свою организацию в адвокатском клубе (а московскую – даже в Большом театре), то, 1 апреля, в Тенишевском училище, ещё и концерт-митинг в Михайловском театре, «14–19 апреля в Петрограде прошла всероссийская конференция Бунда, которая вновь сформулировала требование национально-культурной автономии для еврейства в России»¹³⁸. (А «по окончании речей всеми участниками конференции были спеты бундовский гимн „Ди Швуе“ [Клятва], Интернационал и марсельеза»¹³⁹.) Впрочем, как и раньше, Бунду приходилось уравнивать национальную позицию с революционной. Если в 1903 он отстаивал (особенно против Ленина) свою национальную самостоятельность от РСДРП, и тем не менее в 1905 ринулся буровить единую всероссийскую революцию, то так же и теперь в 1917: бундовцы заняли видные места в Исполнительном Комитете СРСД, затем и в киевских социал-демократах. «К концу 1917 в стране действовали почти 400 секций Бунда, объединявших около 40 тысяч человек»¹⁴⁰.

Да покрутишь головой и над Поалей-Цион. В начале же апреля собралась её всероссийская конференция – в Москве. С одной стороны, в её резолюциях было: собрать Всероссийский Еврейский Конгресс, обсудить проблему эмиграции в Палестину. С другой, в те же недели, на одесской конференции Поалей-Цион возглашалась непримиримая классовая программа: «Усилиями еврейской революционной демократии, несмотря на противодействие буржуазии справа и Бунда слева... Разрешение судеб еврейского народа вырвано из грязных рук „зажиточных и оседлых“ евреев... Не допускайте буржуазные партии принести мусор старых порядков... Не давайте голоса лицемерам, которые не боролись, а коленопреклонённо вымаливали права для народа в приёмных министров-антисемитов... не верили в революционную деятельность масс». В апреле 1917 и произошёл раскол в партии: «Радикал-социалистическая» Поалей-Цион ушла к сионистам, откололась от основной «Социал-демократической» Поалей-Цион¹⁴¹, которой в будущем предстояло вступить в Третий Интернационал¹⁴².

Партия СЕРП тоже провела свою всероссийскую конференцию и на ней объединилась с сионистами-социалистами в одну «Объединённую еврейскую социалистическую рабочую партию» (ОЕСРП, или «Фарейникте»), рассталась с территориальными надеждами в пользу «„экстерриториальной“ еврейской нации», со своим сеймом и «национально-персональной» автономией. «ОЕСРП обратилась к Временному правительству с призывом декларировать равенство языков и учредить совет по делам национальностей», который, в частности, «финансировал бы еврейские школы и общественные учреждения». В то же время «Фарейникте» «тесно сотрудничала» с эсерами¹⁴³.

¹³⁶ КЕЭ, Т. 7, с. 379.

¹³⁷ Г. Аронсон. Еврейская общественность в России в 1917–1918 // [Сб.] Книга о русском еврействе, 1917–1967 (далее – КРЕ–2). Нью-Йорк: Союз Русских Евреев, 1968, с. 6.

¹³⁸ КЕЭ, Т. 7, с. 378.

¹³⁹ Известия, 1917, 9 апреля, с. 4.

¹⁴⁰ КЕЭ, Т. 7, с. 378–379.

¹⁴¹ КЕЭ, Т. 7, с. 378.

¹⁴² Известия, 1917, 15 сентября, с. 2.

¹⁴³ КЕЭ, Т. 6, с. 85; Т. 7, с. 379.

Однако «наиболее влиятельной политической силой в еврейской среде стало сионистское движение»¹⁴⁴. Уже в первых числах марта в резолюции сионистского петроградского собрания стояло: «Русское еврейство призывается всемерно поддерживать Временное правительство, а также – к бодрой работе, сплочению и организации в интересах расцвета еврейской народной жизни в России и к национально-политическому возрождению еврейской нации в Палестине». Да ведь и как совпало, вдохновенно-исторически: именно в марте 1917 английские войска подходили к Иерусалиму! Уже 19 марта в воззвании одесских сионистов стояло: наступила «эпоха, когда государства перестраиваются на национальных началах. (А Россия – как раз наоборот. – А. С.) Горе нам, если мы упустим этот исторический момент». В апреле сионисты были сильно подкреплены публичным заявлением Якова Шиффа, что теперь – он тоже примыкает к сионизму, «объясняя свой поступок опасением за еврейскую ассимиляцию, которая может явиться результатом гражданского равноправия евреев в России. Он считает Палестину тем центром, откуда еврейская культура сможет распространить свои идеалы»¹⁴⁵. В начале мая в зале петроградской Фондовой Биржи состоялся многолюдный сионистский митинг, с исполнением несколько раз сионистского гимна. А в конце мая в петроградской консерватории собралась и 7-я всероссийская сионистская конференция. На ней задачи сионистов формулировались так: «культурное возрождение еврейского народа»; «социальный переворот в экономическом укладе в смысле превращения народа лавочников и ремесленников в народ земледельцев и рабочих»; усилить эмиграцию в Палестину и «мобилизовать еврейский капитал для финансирования поселенческой деятельности». Обсуждался и план Жаботинского создать еврейский легион в составе британской армии, и план И. Трумпельдора «создать в России еврейскую армию, которая двинулась бы через Кавказ освобождать Эрец-Исраэль [землю Израиля] от турецкого господства». Два последних предложения были отвергнуты: Всемирная сионистская организация нейтральна в Мировой войне¹⁴⁶.

Эта же конференция постановила: на предстоящих выборах, муниципальных, затем в Учредительное Собрание, голосовать за партии «не правее народных социалистов», отказать в поддержке даже кадетам вроде Д. Пасманика, который потом жаловался: «Получалось нечто совершенно бессмысленное: как будто всё русское еврейство, со всей его крупной и мелкой буржуазией, – социалистично»¹⁴⁷. Недоумение его более чем основательно.

Само собой, в начале апреля собрался в Петрограде, из 25 городов и всех университетов России, съезд студенческой сионистской организации «Геховер». Их решение: евреи страдали не для того, чтобы получить равноправие в России, а для возрождения еврейского народа в родной Палестине. И постановили теперь же в России формировать легионы для завоевания Палестины. – «Летом и осенью 1917 сионистское движение России продолжало крепнуть: в сентябре число его участников достигло 300 тысяч человек»¹⁴⁸.

Менее известно, что в 1917 и еврейские «ортодоксальные объединения пользовались значительной популярностью, уступая в этом лишь сионистам и опережая социалистические партии» (как на «выборах в руководящие советы реорганизованных еврейских общин») ¹⁴⁹.

Митинги («И в ненависти и в любви евреи слились с народной демократической Россией!»). Лекции («Еврейский вопрос и русская революция»). Общепетроградское (да и в других городах) «собрание евреев-учащихся средних учебных заведений» (сверх всеобщих гимназических собраний). В Петрограде же – Центральный орган еврейского студенчества (но Бунд

¹⁴⁴ КЕЭ, Т. 7, с. 378.

¹⁴⁵ Биржевые ведомости, 1917, 12 апреля, с. 4.

¹⁴⁶ КЕЭ, Т. 6, с. 463, 464.

¹⁴⁷ Д. С. Пасманик. Чего же мы добиваемся? // Россия и евреи: Сб. 1 (далее – РиЕ) / Отечественное объединение русских евреев за границы. Париж: УМСА-Press, 1978 (1-е изд. – Берлин: Основа, 1924), с. 211.

¹⁴⁸ КЕЭ, Т. 7, с. 378.

¹⁴⁹ КЕЭ, Т. 7, с. 379.

и другие левые его не принимают). – Распались многие провинциальные комитеты «помощи жертвам войны» (еврейским беженцам и депортированным): «демократические элементы считают целесообразным сейчас заниматься более широкой общественной деятельностью». Однако к апрелю создаётся Центральный еврейский комитет для этой помощи. – В начале мая учреждён Еврейский Народный Союз – для объединения всех еврейских сил и для подготовки Всероссийского Еврейского Союза и выборов в Учредительное Собрание. В конце мая ещё другая попытка: Организационный комитет Еврейского Демократического Объединения созывает конференцию всех еврейских демократических групп России. Продолжает оживлённо обсуждаться вопрос о созыве Всероссийского Еврейского съезда (Бунд и тут отказывается: это не соответствует его программе; а сионисты хотят включить в программу съезда вопрос о Палестине – и теперь уже отвергают *их*); в июле в Петрограде – Всероссийская конференция по подготовке Еврейского съезда¹⁵⁰; общественный момент и подъём разрешают Винаверу объявить там, что созрела идея единой еврейской нации, расселённой в разных странах, и положение евреев в Румынии или в Польше не может быть российским евреям безразлично. Намечают съезд на декабрь.

Какой энергичный разлив национальной активности! Даже в бурном кружении нашего Семнадцатого года – еврейская общественная и политическая деятельность выделяется своей многообразностью, напором, но и методичностью.

Яркое оживление деятельности развернулось и в еврейской культуре, и в здравоохранении, в них «период между февралём и ноябрём 1917 стал временем расцвета». Переведено в Петроград вдобавок к «Евреям России» издание «Еврейской недели», открылся «Петроград-Тогблат» на идише и соответственные издания ещё в других крупных городах. – Обществом Тарбут и Культур-лигой создаются «десятки детских садов, начальных и средних школ, педагогических училищ», соответственно на иврите и на идише. В Киеве учреждается еврейская мужская гимназия. В апреле в Москве – 1-й Всероссийский съезд по делам еврейской культуры и школы, с призывом: содержать еврейские школы за счёт казны. – Съезд общества любителей еврейского языка и культуры. В Москве же начал работать театр «Габима» – «первый в мире профессиональный театр на иврите»¹⁵¹, а в апреле – выставка евреев-художников. – В апреле же – конференция Общества охранения здоровья еврейского населения.

Всё это особенно впечатляет на фоне общероссийской государственной, хозяйственной и культурной растерянности 1917 года.

Крупным событием в еврейской жизни в эти месяцы было – разрешение евреям-юношам становиться офицерами российской армии. Это движение было широким: в апреле штаб Петроградского военного округа по гвардейским частям прямо распорядился: всех студентов иудейского вероисповедания безотлагательно отправить командирами частей в подготовительный учебный батальон в Нижнем Новгороде, для дальнейшего направления в училища¹⁵², – то есть почти массово продвигать молодых евреев в офицеры. «Уже в начале июня 1917 в Константиновском военном училище (Киев) был произведен в офицеры 131 еврей, окончивший в ускоренном порядке курс училища; в Одессе летом 1917 офицерские звания получили 160 евреев-юнкеров»¹⁵³. В июне по России произведено в прапорщики 2 600 евреев.

Есть свидетельства, что местами юнкера в училищах встречали новопоступающих евреев недоброжелательно, например в Александровском (куда было зачислено более трёхсот евреев). А в Михайловском часть юнкеров предложила резолюцию: «Не имеем ничего против евреев вообще, но считаем немыслимым их допущение в среду командного состава рус-

¹⁵⁰ КЕЭ, Т. 7, с. 380–381.

¹⁵¹ КЕЭ, Т. 7, с. 379.

¹⁵² Речь, 1917, 27 апреля, с. 3.

¹⁵³ КЕЭ, Т. 7, с. 378.

ской армии». Офицеры училища отмежевались от этой резолюции, и группа юнкеров-социалистов (141 юнкер) выразила «своё порицание», «находя антиеврейские выступления позорными для революционной армии»¹⁵⁴, – и резолюция не прошла. – Когда прапорщики-евреи прибывали в полки, то и там они зачастую встречали недоверчивое, недоброжелательное отношение от солдат: их явление в роли офицеров было для русского солдата совершенно необычно, непривычно. (Но кто из новопроизведенных офицеров принимал революционный тон поведения – те быстро получали популярность.)

С другой стороны, удивительно и проявление евреев-юнкеров Одесского училища. В конце марта в него было зачислено 240 евреев-новичков. А через 3 недели, 18 апреля по ст. ст., был первомайский парад в Одессе – и, демонстративно на нём, юнкера шли с пением древнееврейских песен. Понимали ли, что русского солдата этим не увлечёшь? так – чьими же офицерами они предполагали стать? Годилося бы это для отдельных еврейских батальонов. Однако, отмечает генерал Деникин, в ходе 1917, при всём успехе формирования национальных полков (польских, украинских, закавказских, а латышские были уже раньше), «только одна национальность не требовала самоопределения в смысле несения военной службы – это еврейская. И каждый раз, когда откуда-нибудь вносилось предложение – в ответ на жалобы [как плохо принимают в армии офицеров-евреев] – организовать особые еврейские полки, это предложение вызывало бурю негодования в среде евреев и в левых кругах и именовалось злостной провокацией»¹⁵⁵. (Газеты писали тогда, что проект отдельных еврейских полков возникал и в Германии, однако отброшен и там.) – Но, очевидно, потребность в национальном единении, в какой-то иной форме, у новых офицеров-евреев была. В Одессе 18 августа собрание евреев-офицеров постановило: организовать секцию связи всех фронтов, «для освещения положения евреев-офицеров на местах». В августе «возникли Союзы евреев-воинов; к октябрю такие союзы действовали на всех фронтах и во многих гарнизонах. 10–15 октября 1917 на конференции в Киеве был учреждён Всероссийский союз евреев-воинов»¹⁵⁶. (Но и при новой «революционной армии» некоторые журналисты по старой инерции сохраняли злобу к офицерству вообще, к самим офицерским погонам – и А. Альперович в «Биржевых ведомостях» ещё и 5 мая разжигал страсти против офицерства¹⁵⁷.)

По разным источникам, в качестве рядовых евреи и при наборе 1917 года шли в армию неохотно; очевидно, были обнаружены подставки больных под чужими именами на медицинские освидетельствования, – ибо некоторые уездные по воинской повинности присутствия потребовали, чтобы евреи являлись на освидетельствование с фотокарточками на удостоверения личности (чего вообще не требовали, по простоте). Поднялись бурные протесты, что это противоречит отмене национальных ограничений, – и министерство внутренних дел распорядилось не требовать фотокарточек.

В начале апреля Временное правительство телеграфно распорядилось: всех евреев, высланных по подозрению в шпионаже, освободить от ссылки, без индивидуальных разбирательств их дел. У одних родные местности были оккупированы противником, у других нет, но многие сосланные просили разрешения проживать в городах Европейской России. Отмечается прилив евреев в Петроград, где в 1917 еврейское население – «около 50 тысяч»¹⁵⁸. Также и «в 1917 резко возросла численность евреев Москвы (60 тысяч)»¹⁵⁹.

¹⁵⁴ Русская воля, 1917, 25 апреля, с. 5.

¹⁵⁵ А. И. Деникин. Очерки Русской Смуты. Париж, 1922. Т. 1: Крушение власти и армии. Февраль – Сентябрь 1917. Вып. 2, с. 129–130.

¹⁵⁶ КЕЭ, Т. 7, с. 379.

¹⁵⁷ Биржевые ведомости, 1917, 5 мая, с. 2.

¹⁵⁸ КЕЭ, Т. 4, с. 775.

¹⁵⁹ КЕЭ, Т. 5, с. 475.

Не такое численное, но высоко энергичное пополнение получило теперь российское еврейство из-за границы. Уж не говорим о двух знаменитых поездах через неприятельскую Германию – 30 человек в ленинском и 160 в натансон-мартовском, – в которых евреи ехали в подавляющем большинстве и представлены были почти все еврейские партии (списки проехавших в «экстерриториальных вагонах» впервые опубликованы В. Бурцевым)¹⁶⁰. Среди этих без малого двухсот человек редко кого ждала в России незначительная роль.

Многочисленной того, теперь в Россию поплыли сотни евреев из Соединённых Штатов – давних ли эмигрантов, или революционеров, или бежавших от воинской повинности, – их теперь именовали «революционные борцы» и «жертвы царизма», и по распоряжению Керенского русское посольство в Штатах без затруднений выдавало русские паспорта каждому приходящему, представившему двух подтверждающих свидетелей с улицы. (В особом положении была активная группа вокруг Троцкого, сперва задержанная в Канаде по основательному подозрению о связях с Германией. Но Троцкий ехал не с хлипким русским паспортом, а с крепким американским, необъяснимо выданным ему при кратком сроке пребывания в Штатах, – да ещё с крупным денежным пособием, источники которого остались не выяснены следствием¹⁶¹.) – 26 июня на экзальтированном «русском митинге в Нью-Йорке» (под председательством П. Рутенберга, сначала направителя, а затем убийцы Гапона) редактор еврейской газеты «Форвертс» Эбрагэм Каган обратился к русскому послу Бахметеву, «от имени двух миллионов русских евреев, живущих в Северо-Американских Соединённых Штатах»: «Мы всегда любили нашу родину; мы всегда чувствовали себя связанными со всем населением России узами братства... Наши сердца исполнены преданности красному флагу русского освобождения и трёхцветному национальному флагу свободной России». Ещё заявил, что самопожертвование народовольцев «непосредственно вытекало из факта усилившегося преследования евреев» и что «такие люди, как Зунделевич, Дейч, Гершуни, Либер и Абрамович, находились среди храбрейших»¹⁶².

И поехали *возвратники*, видимо, не только из Нью-Йорка, потому что в августе Временное правительство ввело льготы по железнодорожному переезду из Владивостока для «политических эмигрантов», возвращающихся из Америки. – В Лондоне в конце июля (уже после скольких-то уехавших в Россию) на митинге в Уайтчепеле «было установлено, что в одном только Лондоне 10 000 евреев заявили о своём желании возвратиться в Россию», и принята резолюция: радуемся, что «евреи вернутся обратно для борьбы за новую социальную и демократическую Россию»¹⁶³.

Из этих возвратников, спешивших на революцию, многих ждала в России примечательная судьба – с кипучим включением в ход российских событий. Тут были и многоизвестные В. Володарский, М. Урицкий, Ю. Ларин – скорый творец «экономики военного коммунизма». Менее известно, что тут был и брат Свердлова Вениамин (этот не пошёл, правда, выше заместителя наркома путей сообщения и члена Президиума ВСНХ¹⁶⁴, да тоже немало). – Эмигрантский сотрудник Ленина и приехавший в одном поезде с ним Моисей Харитонов уже в апреле 1917 в Петрограде скандально прославился помощью анархистам в их крупном грабеже; позже перебивал секретарём губкомов РКПб – Пермского, Саратовского, Свердловского и секретарём Уралбюро ЦК. – Семёну Диманштейну, члену парижской большевистской группы, предстояло возглавить Еврейский комиссариат при Наркомнаце, затем Еврейскую секцию («Евсекцию») при Всероссийском Центральном Исполнительном Комитете (ВЦИК), курировать еврейские

¹⁶⁰ Общее дело, 1917, 14 октября; 16 октября.

¹⁶¹ Э. Саттон. Уолл-стрит и большевистская революция / Пер. с англ. М., 1998, с. 14–36.

¹⁶² Речь, 1917, 27 июня, с. 3; 28 июня, с. 2–3.

¹⁶³ Речь, 1917, 2 августа, с. 3.

¹⁶⁴ Высший Совет Народного Хозяйства.

проблемы в целом. (И, поразительно: в свои 18 лет он в пределах одного года «сдал экзамен на звание раввина» и вступил в РСДРП.)¹⁶⁵ – Тут и группа, которую потянул за собой Троцкий из Нью-Йорка на высокие посты: ювелир Г. Мельничанский, бухгалтер Фриман, наборщик А. Минкин-Менсон (вскоре возглавили советские профсоюзы, «Правду», экспедицию ассигнаций и ценных бумаг), маляр Гомберг-Зорин (председатель петроградского ревтрибунала).

Другие имена возвратников Февральской революции совсем теперь забыты, а зря: они включались в ход революционных событий на важнейших участках. – Так, доктор биологии Иван Залкинд принял активное участие в Октябрьском перевороте, а затем осуществлял, при Троцком, практическое руководство наркоматом иностранных дел. – Семён Коган-Семков с ноября 1918 стал «политкомиссаром Ижевских оружейных и сталелитейных заводов» – то есть карательным комиссаром над подавленным в октябре 1918 крупным восстанием ижевских рабочих¹⁶⁶ (где жертвы были многотысячные, на одной только ижевской Соборной площади было расстреляно 400 рабочих¹⁶⁷). – Тобинсон-Краснощёков в дальнейшем возглавил весь советский Дальний Восток (секретарь Дальбюро ЦК, Глава правительства). – Гиршфельд-Сташевский под фамилией Верховский командовал отрядом из немецких военнопленных и перебежчиков, то есть клал основу интернациональных отрядов большевистских сил; дальше он – начальник агентурной разведки Западного фронта (1920), а в наступившее «мирное» время «по заданию коллегии ВЧК... организовывал разведывательную сеть в странах Западной Европы», удостоен звания «почётный чекист»¹⁶⁸.

Среди примыкающих были и не вовсе большевики или не сразу большевики, но партия Ленина-Троцкого приняла и таких с широким сердцем. – Хотя Яков Фишман, член Военно-Революционного Комитета (ВРК) Октябрьского переворота, и свихивался в июле 1918 на участие в левоэсеровском мятеже – его приняли в РКП(б) и доверили работать годы в Разведуправлении РККА (Рабоче-крестьянской Красной армии). – Ефим Ярчук хотя и вернулся анархо-синдикалистом – направлен Петросоветом на укрепление Кронштадтского совета, в октябре оттуда привёл отряд матросов брать Зимний дворец. – Всеволод Волин-Эйхенбаум (брат литературоведа), воротясь в 1917 в Россию, упорно придерживался анархистских взглядов, стал идеологом махновского движения, председателем военревсовета у Махно, – однако, как известно, Махно больше помог большевикам, чем помешал, – и Волин с ещё десятком анархистов был мирно выслан за границу¹⁶⁹.

Надежды возвратников были вполне основательны: то были месяцы заметного возвышения роли многих евреев в России. «Теперь нет более еврейского вопроса в России»¹⁷⁰. (Хотя в газетном очерке Д. Айзмана Сура Альперович, жена торговца, переехавшего из Минска в Петроград, сомневалась: «А теперь рабство сняли, только всего?» А как же с тем, что «Николай вчерашний сделал нам Кишинёв?»¹⁷¹) В те же дни и сам Давид Айзман развивает мысль так: «Завоевания революции евреи должны укрепить во что бы то ни стало... тут нет и не может быть никаких колебаний. Каких бы жертв ни потребовало дело – их надо принести... Тут все начала и все концы: [иначе] погибнет всё... Даже самым тёмным слоям еврейской массы это понятно». Что будет с евреями в случае «торжества контрреволюции» – «спору не подлежит». Он уверен: поголовные казни. И поэтому «гнусное отродье должно быть раздавлено, когда ещё

¹⁶⁵ Российская Еврейская Энциклопедия (далее – РЕЭ). М., 1994– ... Т. 1, с. 240, 427; Т. 2, с. 124; Т. 3, с. 29, 179, 280.

¹⁶⁶ РЕЭ, Т. 1, с. 473; Т. 3, с. 41.

¹⁶⁷ Народное сопротивление коммунизму в России: Урал и Прикамье. Ноябрь 1917 – январь 1919 / Сост. М. Бернштам. Париж: YMCA-Press, 1982. – Исследования новейшей русской истории (ИНРИ). [Т.] 3, с. 356.

¹⁶⁸ РЕЭ, Т. 2, с. 85; Т. 3, с. 106.

¹⁶⁹ РЕЭ, Т. 3, с. 224, 505; Т. 1, с. 239.

¹⁷⁰ Речь, 1917, 28 июня, с. 2.

¹⁷¹ Русская воля, 1917, 13 апреля, с. 3.

и в зародыше оно не сложилось. Умерщвлено должно быть самое семя его... Свободу свою евреи сумеют отстоять»¹⁷².

Умерщвлено в зародыше... и даже *самое семя его*... Уже вполне большевицкая программа, только выражено ветхозаветно. А кого – *его*? чьё семя? Монархисты? – уже и не двигались, пересчитывать активных – даже и пальцев будет много. Получается – это те, кто противоречил разыгравшейся разнузданности советов, комитетов и безумной толпы; те, кто хотел остановить развал жизни, благоразумные обыватели, и бывшие чиновники, и прежде всего офицеры, скоро и солдат-генерал Корнилов. Среди таких контрреволюционеров были и евреи, но во многом этот *элемент* совпадал с русским национальным.

Уходя от темы национальной и еврейской, не забудем и о прессе. В Семнадцатом году пресса укреплялась и влиянием, и числом изданий, и числом сотрудников. До революции право на отсрочку от военной службы имело ограниченное число сотрудников, и только тех газет (и типографий), которые начали выходить до войны. (Они считались «предприятиями, работающими на оборону» – пусть и отчаянно боролись против правительства и против военной цензуры.) Теперь, с апреля, по настоянию издателей, льготы газетам были расширены: и по числу освобождаемых от военной службы сотрудников; и распространены на все также и ныне возникающие политические газеты (порой дутые: достаточно продержаться с тиражом 30 тыс. хотя бы две недели); и ещё льготы молодым возрастам, и льготы для «политических эмигрантов» и «освобождённых из ссылки», – все условия, чтобы немалое число приехавших устраивалось бы в левые газеты. В то же время подверглись закрытию газеты правых – «Маленькая газета» и «Народная газета» – за их выступления с обвинением большевиков в германских связях. – Когда же во многих газетах в мае были напечатаны поддельные телеграммы императрицы (подделка, да, но это же «лёгкая шутка телеграфистки», за которую её, разумеется, не привлекли к ответственности), а затем пришлось их всё-таки и опровергнуть, то «Биржевые ведомости» процедили так: «Выяснилось, что ни в особом архиве при главном управлении почт и телеграфов, где хранились высочайшие телеграммы, ни в архиве военной цензуры, ни в аппаратах главного телеграфа не оказалось следов этой переписки»¹⁷³. То есть: как будто телеграммы, может, и были, но *следы* изъяты умелой рукой. О, дивно свободная наша пресса!

* * *

Благоразумный Винавер ещё в раннем марте предупреждал собрание в еврейском клубе в Петрограде: «Нужна не только любовь к свободе, нужно также самообладание... Не надо нам соваться на почётные и видные места... Не торопитесь осуществлять наши права»¹⁷⁴. Согласно источникам, Винаверу (а также Дану, Либери и Брамсону) «в разное время предлагали министерские посты, но все они отклонили эти предложения, считая, что евреи не должны быть членами правительства России». Но от чего юрист Винавер, естественно, не мог бы отказаться – это от сенсационного назначения в Сенат, где и стал одним из четырёх сенаторов-евреев (вместе с Г. Блюменфельдом, О. Грузенбергом, И. Гуревичем)¹⁷⁵. – Непосредственно среди министров ни одного еврея не было, но было четыре влиятельных товарища министра – В. Гуревич при Авксентьеве в министерстве внутренних дел, С. Лурье в министерстве торговли и промышленности, С. Шварц и А. Гинзбург-Наумов в министерстве труда; можно назвать также и П. Рутенберга. Затем и управляющий делами Временного правитель-

¹⁷² Русская воля, 1917, 9 апреля, с. 3.

¹⁷³ Биржевые ведомости, 1917, 7 мая, с. 3.

¹⁷⁴ Г. Аронсон. Еврейская общественность... // КРЕ-2, с. 7.

¹⁷⁵ КЕЭ, Т. 7, с. 381.

ства А. Гальперн (после В. Набокова, с июля)¹⁷⁶, в министерстве иностранных дел – директор 1-го департамента А. Н. Мандельштам. С июля помощник Командующего Московским военным округом – подпоручик Шер; с мая А. Михельсон – при Генеральном штабе начальник управления пограничному снабжению. Комиссар Временного правительства по полевому строительному управлению – Наум Глазберг; несколько евреев введены Черновым в мае в состав Главного Земельного комитета, решающего все вопросы наделения крестьян землёй. Конечно, большинство этих постов – не ключевые, и не весят сравнительно с определяющим в те месяцы влиянием на весь ход событий в стране Исполнительного Комитета, чей национальный состав станет горящим предметом общественного волнения.

На Государственном Совещании в августе, посвящённом тревожному состоянию страны, помимо участников, проходивших по советским, партийным и корпоративным спискам, – были отдельно предоставлены места национальным представительствам, 8 мест еврейскому, – участвовали Г. Слиозберг, М. Либер, Н. Фридман, Г. Ландау, О. Грузенберг.

Излюбленный лозунг 1917 года – «Углубление революции». Этим и занимались все социалистические партии. И. О. Левин пишет: «Не подлежит никакому сомнению, что число евреев, участвовавших в партии большевиков, а также во всех других партиях, столько способствовавших так называемому углублению революции: меньшевиков, эс-эров и т. д., как по количеству, так и по выпавшей на них роли в качестве руководителей, не находится ни в каком соответствии с процентным отношением евреев ко всему населению России. Это факт бесспорный, который надлежит объяснять, но который бессмысленно и безцельно отрицать», а убедительное «указание на еврейское безправие в России до мартовской революции... не исчерпывает всего вопроса»¹⁷⁷. Составы ЦК социалистических партий известны. Причём в ходе 1917 года в руководстве меньшевиков, правых эсеров, левых эсеров и анархистов численность евреев была много больше, чем в большевиках. «На съезде партии социалистов-революционеров, состоявшемся в конце мая – начале июня 1917, из 318 делегатов было 39 евреев; в избранный на съезде центральный комитет партии из 20 членов вошли семь евреев. Одним из лидеров правой фракции эсеров был А. Гоц, левой – М. Натансон»¹⁷⁸. (А как жалко кончил Натансон, «мудрый Марк», основатель российского народничества: в Мировую войну за границей принимал финансовую поддержку от Германии; в мае 1917 поехал через Германию; в России сразу стал поддерживать Ленина и авторитетно осенил его идею разогнать Учредительное Собрание, – даже и первый предложил это вслух, хотя Ленин, конечно, и без того смекал.)

Летом 1917 прошли выборы в местные самоуправления. Побеждали в них – партии социалистические, и «евреи приняли деятельное участие в местной и муниципальной работе также в ряде городов вне черты оседлости». Так, «эсер О. Минор... возглавил городскую думу в Москве, член центрального комитета Бунда А. Вайнштейн (Рахмиэль) – в Минске, меньшевик И. Полонский – в Екатеринославе, бундовец Д. Чертков – в Саратове». Г. Шрейдер стал «городским головой в Петрограде, А. Гинзбург-Наумов – товарищем городского головы в Киеве»¹⁷⁹.

Но этих деятелей – большей частью смёл Октябрьский переворот, и не они решали ход последующих событий в России, а такие, кто занимал руководительные посты гораздо ниже, однако по всей стране и во множестве, и особенно в Советах, как Л. Хинчук, Глава московского СРД, или, в иркутском Совете, Насимович и М. Трилиссер (после Октября – в ЦИКе Советов Сибири, затем виднейший чекист)¹⁸⁰.

¹⁷⁶ КЕЭ, Т. 7, с. 381.

¹⁷⁷ И. О. Левин. Евреи в революции // РИЕ, с. 124.

¹⁷⁸ КЕЭ, Т. 7, с. 399.

¹⁷⁹ Г. Аронсон. Еврейская общественность... // КРЕ-2, с. 10; КЕЭ, Т. 7, с. 381.

¹⁸⁰ РЕЭ, Т. 3, с. 162, 293.

И в провинциальных «Советах рабочих и солдатских депутатов еврейские социалистические партии были повсюду широко представлены»¹⁸¹. И на Демократическом Собрании в сентябре, так досаждавшем Ленину, что он потребовал окружить Александринский театр и всё собрание арестовать. (Коменданту театра товарищу Нашатырю пришлось бы испытать на себе ленинскую угрозу, да Троцкий отговорил от разгона.) И даже после Октябрьского переворота в московском Совете *солдатских* депутатов, сообщал Бухарин, есть «дантисты, фармацевты и т. д., – лица, в такой же степени близкие солдату, как китайскому императору»¹⁸².

А выше всего, надо всею Россией, с весны и до осени Семнадцатого – разве стояло Временное правительство, бессильное и безвольное? – стоял властный и замкнутый Исполнительный Комитет Петросовета, затем, после июня, и перенявший от него всероссийское значение Центральный Исполнительный Комитет (ЦИК), – и вот они-то и были подлинные направители России, слитные во внешних проявлениях и только в себе не единые, а раздираемые противоречиями и партийно-идеологической путаницей. Петроградский ИК СРСД, сперва (как мы прочли) дружно одобрявший «Приказ № 1», потом много пошатался относительно войны: разваливать армию или укреплять? (И с довольно неожиданной решительностью поддержал «Заём Свободы», возмущив большевиков, – но и войдя же в согласие с общественным благоприятием этому займу, в том числе среди либеральных евреев.)

В президиум первого всероссийского ЦИК СРСД (первое управление Россией Советами) вошло 9 человек. Тут и эсер А. Гоц, меньшевик Ф. Дан, бундовец М. Либер, эсер М. Гендельман. (В марте Гендельман и Стеклов на Собрании Советов требовали более сурового заключения императорской семьи и дополнительно ареста всех великих князей – так уверенно чувствовали себя у власти.) В том же президиуме ЦИКа и виднейший большевик Л. Каменев. А ещё грузин Чхеидзе, армянин Саакьян, вероятно, поляк Крушинский и, вероятно, русский Никольский, – дерзкий состав для направителей России в критический момент.

Отдельно от ЦИКа рабочих и солдатских депутатов существовал, тоже Всероссийский, с конца мая избранный – Исполнительный Комитет Совета крестьянских депутатов. Крестьян из 30 его членов – было трое, такова была привычная показность уже той, до-большевицкой, власти. Из этих 30 членов Д. Пасманик насчитывает тут и семерых евреев: «это – печальное явление, и именно если принять во внимание еврейские интересы»; «они слишком намозолили всем глаза»¹⁸³. И этот *крестьянский* совет рекомендует *от себя* кандидатов в близко-будущее Учредительное Собрание: свадебный список, начиная с Керенского, и среди них – шумный Илья Рубанович, едва прикативший из парижской эмиграции, террорист Абрам Гоц, малоизвестный Гуревич...¹⁸⁴ (В той же газетной заметке – сообщение об аресте за дезертирство прапорщика М. Гольмана – председателя Могилёвского губернского *крестьянского* совета¹⁸⁵.)

Разумеется, не только национальным составом Исполнительных Комитетов объясняются их шаги – о, нет! (Многие из тех деятелей безповоротно отошли от родительских общин, уже и тропу потеряли, как съездить погостить в местечко.) Каждый там вполне верил, что, по своей талантливости и революционности, он-то как раз наилучшим образом и устроит рабочие, солдатские и крестьянские дела, да просто по грамотности и сообразительности деловой управит, чем это неповоротливое простонародье.

А для множества русских людей, от простолюдина хоть и до генерала, ошеломительное впечатление производила – ото всех ораторов и направителей митингов и собраний – внезапная, бившая в глаза смена обличья тех лиц, кто начальствует или управляет.

¹⁸¹ Г. Аронсон. Еврейская общественность... // КРЕ–2, с. 7.

¹⁸² Известия, 1917, 8 ноября, с. 5.

¹⁸³ Д. С. Пасманик. Русская революция и еврейство: (Большевизм и иудаизм). Париж, 1923, с. 153–154.

¹⁸⁴ Речь, 1917, 28 июля, с. 3.

¹⁸⁵ Речь, 1917, 28 июля, с. 3; Г. Лелевич. Октябрь в Ставке. Гомель, 1922, с. 13, 66–67.

Вот В. Станкевич, единственный в Исполнительном Комитете офицер-социалист, даёт пример: «факт этот [обилие евреев в ИК] сам по себе имел громадное влияние на склад общественных настроений и симпатий... И кстати, деталь: во время первого посещения Комитета Корниловым он совершенно случайно сел так, что со всех сторон оказался окружённым евреями, а против него сидели двое не только не влиятельных, но вообще даже незаметных членов Комитета, которых я помню только потому, что у них были карикатурно выраженные еврейские черты лица. Кто знает, какое влияние имело это на отношение Корнилова к русской революции»¹⁸⁶.

Но и какое отношение у новой власти ко всему русскому. Конец августа, «корниловские дни». Россия зримо гибнет, проигрывает войну, армия развращена, тыл разложен. Генерал Корнилов, перед тем ловко обманутый Керенским, в простоте взывает, почти воет от боли: «Русские люди! Великая родина наша умирает. Близок час её кончины... Все, у кого бьётся в груди русское сердце, все, кто верит в Бога, – в храмы, молитесь Господа Бога об явлении величайшего чуда спасения родимой земли»¹⁸⁷. – Идеолог Февраля, один из ведущих членов Исполнительного Комитета Гиммер-Суханов тут хихикает: «Неловко, неумно, безыдейно, политически и литературно неграмотно... такая низкопробная подделка под суздальщину!»¹⁸⁸

Да, пафосно, неумело; да, нет ясной политической позиции: к политике Корнилов не привык. Но – заливается кровью сердце его. А Суханова – коснётся ли боль? Он не знает чувства сохранения живой культуры и страны, он служит идеологии, Интернационалу, а тут для него налицо всего лишь безыдейность. Да, он отвечает едко. Одно в укор – что «подделка», но и шире укор – «суздальщина», то есть какая-то зачем-то русская история, святость да древнее искусство. И вот с таким пренебрежением ко всему настою русской истории и направляли Февральскую революцию Суханов и его дружки – пена интернациональная – в злоупотребном Исполнительном Комитете.

И дело тут не в национальном происхождении Суханова и других – а именно в безнациональном, в антирусском и антиконсервативном их настроении. Ведь и от Временного правительства, – при его общероссийской государственной задаче и при вполне русском составе его, – можно бы ждать, что оно хоть когда-то и в чём-то выразит русское мироощущение? Вот уж – насквозь ни в чём. Самое сквозное и самое «патриотичное» его действие – это: вести Россию в её начавшемся развале (уже и «Кронштадтская республика», и не одна она, «отделилась от России») – к военной победе! к военной победе во что бы то ни стало! к верности союзникам. (Да и понукивали же сами союзники – что правительства, что их общественность, что финансисты. Вот, в мае, газеты цитируют вашингтонскую «Morning Post»: «Америка дала понять русскому правительству», что в случае сепаратного мира Соединённые Штаты «расторгли бы все финансовые соглашения с Россией»¹⁸⁹. Тут же кн. Львов: «Страна должна сказать своё властное слово и послать свою армию в бой»¹⁹⁰.) О последствиях дальнейшей войны для России – и заботы нет. И этот перекося, эту потерю чувства национального самосохранения можно проследить едва ли не на каждом заседании Временного правительства, едва ли не при каждом обсуждении.

И даже до смехотворного. Растрачивая миллионы рублей направо и налево, и уж всегда чутко поддерживая «культурные потребности национальных меньшинств», – Временное правительство в заседании 6 апреля (на Светлой неделе) отклоняет просьбу уже давно существующего «великорусского оркестра В. В. Андреева» платить ему жалованье, как он полу-

¹⁸⁶ В. Б. Станкевич. Воспоминания, 1914–1919. Берлин: Изд-во И. П. Ладыжникова, 1920, с. 86–87.

¹⁸⁷ А. И. Дешкин. Очерки Русской Смуты. Т. 1: Крушение власти и армии, с. 216.

¹⁸⁸ Ник. Суханов. Записки о революции. Берлин и др.: Изд-во З. И. Гржебина, 1923. Кн. 5, с. 287.

¹⁸⁹ Русская воля, 1917, 7 мая, с. 4.

¹⁹⁰ Русская воля, 1917, 7 мая, с. 6.

чал раньше, «из кредитов бывшей Собственной Его Величества Канцелярии» (кредитов, конфискованных тем же Временным правительством). А всего-то он просил на весь оркестр – в год 30 тысяч рублей – жалованье трёх заместителей министров. – «Отказать!» (хоть и распускайте ваш «великорусский» оркестр, тоже ещё назовице!). Наверно, недоразумение? Андреев подаёт повторную просьбу. Но с непривычной для этого вялого правительства решимостью ему отказывают и второй раз, в заседании 27 апреля¹⁹¹.

Никогда ни одной русской национальной ноты в этот год не прозвучало у русского министра и историка Милюкова. Но – и «главную фигуру революции», Керенского, в национальном духе тоже не уличишь, ни на какой стадии. Зато – постоянная настороженная ошетиненность против всяких вообще консервативных кругов, и тем более – русских национальных. И в своей последней речи в Предпарламенте 24 октября, – уже отряды Троцкого захватывают Петроград здание за зданием, уже пылает пол Мариинского дворца, – Керенский убеждённо доказывает, что закрытые им большевицкий «Рабочий путь» («Правда») и правая «Новая Русь» – одного и того же направления...

* * *

«Инкогнито проклятое» Исполнительного Комитета, конечно, не прошло незамеченным. Оно мучило сперва петроградскую образованную публику, не раз прорывалось в газеты вопросами. Исполком пытался два месяца держать тайну, но к маю пришлось открыться, напечатали раскрытие почти всех псевдонимов (Стеклов-Нахамкис пока утаил, да и Борис Осипович Богданов, энергичный постоянный ведущий Совета, под этой фамилией так и остался, двоясь с Богдановым-Малиновским). Эта непонятная утайка вызывала раздражение, которое ширилось уже и на простых людей. Если в мае звучало на пленуме Совета: «Предлагаем Зиновьева и Каменева» – то из зала кричали: «Называйте их настоящие имена!»

Соккрытие имён не помещалось в сознании тогдашнего простого человека: имена скрывают и меняют только воры. Почему Борис Кац стесняется себя так называть, а он – «Камков»? Почему Лурье скрывается под «Ларин»? Мандельштам – «Лядов»? – У многих псевдонимы тянулись всё-таки из подпольной деятельности, от необходимости скрываться, но вот томский с.-д. Шотман уже в 1917 стал Даниловым, и не один он, – а зачем?

Несомненным остаётся одно: революционеру, принимающему псевдоним, надо было кого-то ввести в заблуждение, но, может быть, не только полицию и правительство? Ведь так и рядовые люди не имеют возможности понять и угадать, кто же их новые вожди.

Увлечшись вольным разгоном первых месяцев Февральской революции, многие еврейские ораторы не сумели увидеть, не замечали, что именно на их частое мельтешение на трибунах и митингах начинали смотреть недоуменно и косо. К моменту Февральской революции никакого «народного антисемитизма» во внутренней России не было, он был только в черте оседлости. (Тот же Эбрагэм Каган мог в 1917 заявить: «Мы любили Россию, несмотря на все притеснения, которым мы подвергались при старом режиме, так как знали, что в притеснениях этих виновен не русский народ», а только царизм¹⁹².) Но за несколько первых месяцев после Февраля раздражение против евреев вспыхнуло именно в народе – и покатилося по России широко, накапливаясь от месяца к месяцу. И даже газеты февральского режима сообщали, например, об озлоблении в городских очередях. «Всё изменилось за то мгновение-вечность, которое легло между старой и новой Россией. Но больше всего изменились „хвосты“. И странное дело. В то время, как всё „поледело“, хвосты поправили. Если вам... хочется послу-

¹⁹¹ Журналы заседаний Временного Правительства. Пг., 1917. Т. 1: Март – Май. Засед. 6 апреля (журн. 44, ст. 5) и 27 апреля (журн. 64, ст. 4).

¹⁹² Речь, 1917, 28 июня, с. 2.

шать черносотенную агитацию... идите постоять в очереди». Среди того услышите: «в чередках евреев не видать совсем, им ни к чему, у них хлеба вдоволь припрятано». И с другого конца очереди – «катится легенда о евреях, припрятавших хлеб»; «хвосты – самые опасные очаги контрреволюции»¹⁹³. – У писателя Ивана Наживина. Москва, осенью; антисемитская пропаганда находила самый живой отклик в революционно-голодных хвостах: «Ишь, сволота!.. Везде пролезли... Ишь, автомобилей-то нахватали, величаются... Небось, ни одного жида в хвостах не видно... Ну, погодите, доберёмся!..»¹⁹⁴

И всякая вообще революция обнажает в народе прорыв скверны, зависти и злости. То же самое произошло и в русском народе, с давно ослабшей христианской верой. И на евреев, во множестве вознесшихся и видимых, где их прежде не было, да ещё не скрывающих революционной радости, а вот не разделяющих бедствующие очереди, – плескала волна народного раздражения.

Эпизодов его в газетах 1917 года – множество: на Сенной площади и в Апраксином рынке обнаружили запас товаров у торговцев-евреев, «послышались крики... „разгромить еврейские магазины“, так как „жиды во всём виноваты“... слово „жид“ на устах всех»¹⁹⁵. – У полтавского купца (видимо, еврея) нашли запасы муки и сала. Стали громить его лавку – и раздались призывы громить евреев. Приехали успокаивать члены СРД и среди них – Дробнис; его избили¹⁹⁶. – В сентябре в Екатеринославе солдаты громят лавки с криками «бей буржуев! бей жидов!». – В Киеве на Владимирском базаре мальчик ударил гирей по голове женщину, нарушившую мучную очередь. Тотчас крик: «Жиды бьют русских!» – и свалка. (Это – в том Киеве, где уже развешаются и лозунги: «Хай живе вільна Україна без жидів и ляхів!») – Уже при всякой уличной потасовке, даже в Петрограде, часто и без явной причины, кричат: «бей жидов!». – Вот в петроградском трамвае две женщины «призывали к разгону СРСД, в котором, по их словам, находятся только „немцы и жиды“. Обе арестованы и привлекаются к ответственности»¹⁹⁷

¹⁹³ Речь, 1917, 3 мая, с. 6.

¹⁹⁴ *Ив. Наживин*. Записки о революции. Вена, 1921, с. 28.

¹⁹⁵ Русская воля, 1917, 17 июня, вечерн. вып., с. 4.

¹⁹⁶ Речь, 1917, 9 сентября, с. 3.

¹⁹⁷ Речь, 1917, 8 августа, с. 5.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.